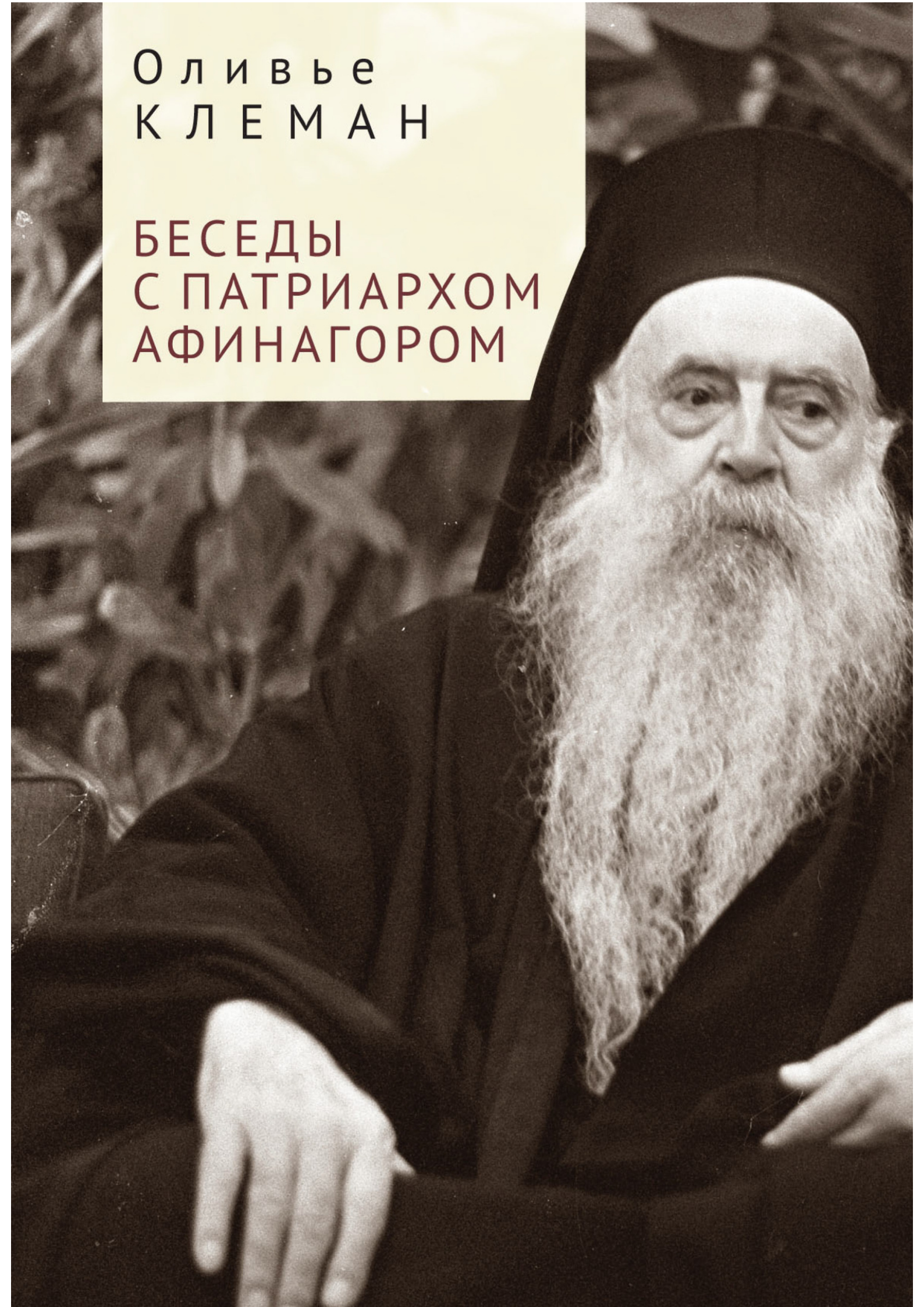

О л и в ь е
К Л Е М А Н

БЕСЕДЫ
С ПАТРИАРХОМ
АФИНАГОРОМ

Оливье Клеман

Беседы с патриархом Афинагором

«Алетейя»

УДК 271.2-9
ББК 86.372

Клеман О.

Беседы с патриархом Афинагором / О. Клеман — «Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-060-7

Эта книга - рассказ о встрече. Так представляет известный православный богослов Оливье Клеман записанные им беседы с Константинопольским патриархом Афинагором. Сквозь призму этой встречи читатель входит в мир Православия Балкан, Греции, Турции, Соединенных Штатов Америки начала прошлого столетия, наконец в жизнь самого патриарха, которая уже стала частью истории XX века. Ключевое событие этой истории – отмена в 1965 году анафем, взаимно наложенных друг на друга Римом и Константинополем в 1054. Вторая часть книги "Слова", посвященная беседам двух православных мыслителей, раскрывает исповедание веры Афинагора, веры, основанной на его внутренней жизни во Христе, ощущении Его присутствия в мире, изумлении Им. Из этого ощущения вытекает настойчивое требование христианского единства, стоявшее за всеми словами и инициативами Вселенского патриарха. Его дела – это третья часть книги, где речь идет как о диалоге с западными христианами, католиками и протестантами, так и об усилиях патриарха по достижению единства среди самих православных Церквей. Самиздатский перевод этой книги был сделан в 80-х годах прошлого века Владимиром Зелинским (ныне священником). Ее первое брюссельское издание 1993 года давно разошлось. К новому изданию переводчик добавил и новое послесловие. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 271.2-9

ББК 86.372

ISBN 978-5-00165-060-7

© Клеман О.

© Алтейя

Содержание

Предисловие	6
Часть 1.	8
1. Фанар	8
2. Что такое православная Церковь?	10
3. «Под снегом»	17
4. Халки	24
5. Монастир	29
6. Афон	32
7. “Defensor civitatis” ¹	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

О. Клеман

Беседы с патриархом Афинагором

Предисловие

Книга эта – рассказ о встрече. Той встрече, которую автор хотел бы разделить со своими читателями, приобщив их к определенному строю духовной жизни. С тех пор как высокая фигура Афина-гора I появилась на телевизионных экранах и в иллюстрированных еженедельниках, христиане Запада, а благодаря средствам массовой информации и толпы людей, сумели по-своему почувствовать, что и «православный» Восток под пластом всех склерозов и расколов, принесенных историей, сохраняет верность христианскому единству, которую патриарх символически облек в слова и жесты примирения. Для цивилизации, которая пятится к смерти, по-обезьяньи копируя молодость, иконописное лицо Афинагора заговорило о старости, насыщенной мудростью, и – кто знает? – может быть стало каким-то знаком преобразования и самой смерти. «Архетип старого мудреца», как сказал бы Юнг, мудреца, умеющего дать почувствовать, что жизнь, завершаясь, превосходит себя, и что в глубине вещей лежит не небытие, а любовь.

Прошли годы с тех пор, как я, родившийся в атеизме, как другие рождаются в Церкви, отправился в это духовное паломничество в страну Востока и совершил решающий шаг в своей жизни, приняв крещение в православной Церкви. Я наблюдал за действиями патриарха и видел, сколь они плодотворны. За ночью души, ныне переживаемой Западом, мистической ночью, по выражению Хуана де ла Крус, мне открывалась иная сторона христианства, менее шумная, но более молитвенная, тяготеющая к своим «восточным» корням. Я видел и то, как некоторые бунтари понимали наконец, что единственное настоящее отчуждение – это отчуждение, которое лишает человека бесконечного. Вот почему, когда мне предложили написать эту книгу, я принял это предложение как призыв к служению единству.

Долгие летние недели 1968 года я провел с патриархом. Сначала в Стамбуле, затем на Принцевых островах и на богословском факультете в Халки, куда он приезжал немного передохнуть, воспользовавшись тишиной каникул. Поначалу он опасался встретиться во мне одного из тех интеллектуалов, что хоронят жизнь под книгами (некоторые даже полагают что похоронили Бога), одного из тех богословов, которых он не любит за то, что само начало Жизни они обращают в отвлеченное понятие и оружие для полемики. Я молча выжидал, погрузившись в ритмы безмолвия, уважения и открытости, столь значимые на Востоке. И встреча состоялась. Патриарх увидел, что внимание мое обращено к чему прежде всего как к человеку, а не к образу, в котором он должен выступать. Он ощутил во мне любовь к своему народу и любовь к Византии. Но нас сблизило нечто еще более глубокое: за внешними границами Церковей мы поразному угадывали в свете Евангелия новый лик Неведомого, Живого, делающийся прозрачным в истории, ставшей планетарной, и в космосе, распахнувшемся перед нами в своей бесконечности. Афинагор, любящий игру слов, сказал мне однажды, что я богослов... милосердный (Clement), а милосердие, между прочим, есть одно из лучших имен Божиих. С этого дня он стал считать меня своим. «Здесь вы – мой монах, вы должны мне повиноваться». И я был послушен, как бы обрета в нем отца. И когда он того хотел, я присаживался рядом с ним, как ученик у ног учителя. «Так старый человек исповедуется молодому», – сказал он мне однажды потому в наших беседах ничего не придумано, Разу меется, я не брал у патриарха никаких интервью и никогда не позволял себе делать какие-либо записи, когда он говорил со мной. Но у сердца хорошая память. Записывая все, что относится в этой книге собственно к разговорам, я поступал подобно античным историкам: восстанавливал речь, отталкиваясь от духа, от глу-

бинных намерений говорившего. Я сблизил и скоординировал высказывания патриарха, прибегая иной раз и к недавним его посланиям, развивавшим его мысль. Но этой мысли, точнее, словам патриарха, я пытался вернуть своеобразие его речи. Я действовал не столько как фотограф, сколько как живописец, чго хочет передать в облике тайну существования личности.

Единственное, что мешало мне писать, была сама форма диалога. Это слово, которым выражает себя все то, чем действительно славен Запад, подразумевает равенство партнеров. Восток, внося в человеческие отношения горячую простоту, неведомую нам более сохранил чувство уважения. Когда слушаешь человека – патриарха, старца, мудреца, – отношения почтительности в вертикальном, а не горизонтальном смысле складываются сами собой. Я более слушал, чем говорил. Более спрашивал, чем утверждал. Мое участие в разговорах с патриархом следует воспринять скорее как отражение его слов, как эхо, что звучало порой словами, а порой молчанием.

Чтобы верно понять человека и его слова, их нужно было вернуть в тот духовный мир, из которого они вышли. В остальном же, если не в области языка, то в области духа роль переводчика мне знакома. Это предопределило и структуру книги. Сначала мы вкратце представим читателю православную Церковь, – речь о ней мы продолжим в других главах, затем расскажем об основных вехах жизни Патриарха. Однажды вечером в Халки я слышал как он беседовал в саду со своей сестрой об их детстве. Он немало рассказал и мне о своем жизненном пути. Глубокими корнями уходит он в землю той страны, история которой мало известна на Западе. Эти рассказы служат фоном для картины, иногда импрессионистической, иногда тщательно выписанной, как в некоторых «примитивах». Затем наступает черед самих бесед. В них, я надеюсь, можно будет ощутить, до какой степени Дух, составляющий живое Предание Церкви, может стать *juvenescentis*, «омолаживающим», как писал во II-ом веке пришедший с Востока ученик ученика Иоанна Богослова, первый епископ Лионский. Третья часть будет посвящена деяниям патриарха, и прежде всего обновлению экуменических контактов, замкнутых до сих пор рамками диалога между католиками и протестантами. Последняя часть покажет патриарха в деле собирания православных Церквей, в той его деятельности, что должна способствовать пробуждению православного самосознания, обращенного к единению христиан.

Эта книга – жест благодарности. Благодарности патриарху Афинагору, помогшему мне, по любимому его выражению, «разоружиться», избавиться от противостояний и тайных страхов, и указавшему в нашей истории пути пророческого творчества. Благодарности православной Церкви, моей духовной родине, призванной ныне за пределами ее национальных границ стать смиренной свидетельницей Церкви нераздельной, где тайна и свобода не пререкаются, но перекликаются друг с другом. Благодарности всем, кто мысленно подвиг меня к написанию этой книги, к этому служению: преосвященному митрополиту Мелетию, представителю вселенского патриарха, митрополиту Галльскому, Шарлю Оранго и Жану Шевалье из издательства Fayard. Наконец благодарности Византии, той Византии, чье существование ныне подобно свету погасшей звезды, последним излучением которой является, может быть, патриарх Афинагор.

О. КЛЕМАН

Часть 1. Человек, которого зовут Афинагор

1. Фанар

В Стамбуле, когда выходишь из новых кварталов и пересекаешь мост по самой середине Золотого Рога, там, где на другой стороне гигантская автострада как бы по живому телу рассекает византийскую и турецкую плоть старого города, проходя под акведуком Валента, который столь по-римски, победно перешагивает ее, нужно свернуть направо и выйти на улицу, идущую вдоль Золотого Рога. Ныне это промышленный район, где обрабатывается древесина, которую привозят на судах из прибрежных лесов Малой Азии. Повсюду – лесопильные заводы, визг металла, вгрызающегося в стволы, грузовики, разъезжающие в пыли или в грязи, ангары, загроможденные досками. То там, то здесь с небольшого пустыря открывается вид на суживающийся залив, на пыльный скверик вдоль пристани, у которой всегда пыhtят тяжело нагруженные пароходики, обслуживающие побережье. Взгляд ваш добирается до старой стены Феодосия и улицы Гробниц, священной земли Эйюпа, где погиб при тщетной осаде города последний спутник Пророка. Баржи вытащены на берег, где среди старых бидонов они ожидают новой покраски. Летом, когда среди пузатых фелюг здесь купаются дети, платаны уже желтеют. Напротив, на другом берегу тихого водного потока, на холме, покрытом желтой травой и белыми стеллами, – мусульманское кладбище. У его подножия – судоверфи, грохот молотков по железу. На берегу, где мы стоим, склон так же быстро подымается. Оставив позади красноватые развалины морской стены, ныне почти исчезнувшей, мы выходим к живописным турецким домам с деревянными ярусами. Перед нами открывается вся панорама жизни средиземноморской метрополии. Летом каждый поливает улицу перед своим порогом, от фасада к фасаду тянутся виноградники и глицинии, перед домом громоздятся дыни и арбузы. Далее улицы, неровно выложенные камнями, переходят в сельские дороги. Смоковницы, руины старой мечети, рядом с гробницами – каменные цветы для женщин, столбики, взбухающие на конце тюрбанами, для мужчин. Грузовики и американские автомобили почти не решаются забираться сюда, здесь больше животных, чем машин; встречаются прекрасные лошади с хомутами, украшенными голубым бисером от дурного глаза; морские птицы и грифы кружатся над отбросами.

На полу склоне, внезапно и как бы совершенно не к месту, вырастает гигантское строение из красного кирпича, которое могло бы сойти за оксфордский колледж, если бы не увенчивалось куполом и на верху стен его не было черного греческого орнамента гигантских размеров. Это главный лицей греческого патриарха – *Rum Pathkanesi*.

Сам патриархат располагается в более укромном месте. Совсем неподалеку от причала «Фенер» под деревьями пролегает тихая улочка. Со стороны холма лестница ведет к садам, располагающимся ярусами до самой византийской стены. Мы выходим на маленькую площадь, раскинувшуюся между церковью и фонтаном, укрытом огромным деревом. Справа – несколько современных зданий, весьма сдержанных по стилю. Слева – очень простой собор, построенный в XVIII веке, с абсидой, кое-где поросшей травой, затем аллеи сосен, кипарисов, роз. В притворе – великолепная византийская мозаика, изображающая Богородицу с Младенцем. Его лик кажется серьезным и взрослым. Служба заканчивается. Молящиеся выходят из храма; как обычно летом, среди них много паломников и туристов. Появляется высокий старик в черном, на его голове – черный клобук, какой носят православные монахи. Все, кто хочет, может следовать за ним, туристы или бродяги, вперемежку. Полсотни человек направляется вместе с ним к современным зданиям. Мы проходим через сады, по аллеям, выложенным белой

и черной галькой. Проходим мимо жасмина, поднимаемся по высокой лестнице. Человек усаживает всех в просторной зале, а сам устраивается за столом. Приносят большие запотевшие стаканы со свежей водой, куда кладут чайную ложку сахарной массы. Не надо размешивать, говорит он, лучше съесть сначала сахар, а потом выпить воду. Затем он начинает говорить и говорит долго глухим и твердым голосом. Он говорит о времени, в котором мы живем, как об эпохе человеческого единения. «Все народы хороши, все расы. Все должны найти свое место в человеческом единстве. Я принадлежу всем народам. Закваской единства человеческого рода должно стать единство христиан. Объединение человечества служит выражением и одновременно поиском достигнутого нами полного единства во Христе, в Котором все мы – члены друг друга. Я принадлежу всем Церквам или скорее к единой Церкви, Церкви Христовой. Единственное богословие – это возвешение Христа Воскресшего, Который воскрешает нас и дает нам силу любить. Люди вскоре достигнут Луны, но смысл жизни неведом им. Мы, христиане, не должны ничего бояться. Нам не о чем просить, нечего навязывать, но мы должны свидетельствовать о том, что жизнь имеет смысл, что она безмерна, что она открывается в вечность. Потому Бог есть, Бог существует, и, Он, Неведомый,

– Друг наш».

Вы уже узнали этого старика: это патриарх Афинагор I, архиепископ Константинопольский, первый по чести в православной Церкви.

2. Что такое православная Церковь?

Православная Церковь существует в живой и неразрывной связи с древней Церковью. Она никогда не ведала разрыва не только духовного, но и исторического с апостольскими общинами, и многие из ее епископских кафедр являются «апостольскими». Не по достоинствам своим, но по милосердию Божию она сохраняет верность Отцам Церкви как великим свидетелям Предания, равно как и догматам семи Вселенских Соборов, собиравшихся на Востоке во времена нераздельной Церкви.

В конце первого тысячелетия между христианским Востоком и христианским Западом усилился процесс *от-чуждения* (*estrangement*), как говорит отец Конгар, и между 1014 и 1204 годами этот процесс привел к трагическому разделению, которое «православным» Востоком ощущается как удаление Рима. Громадное влияние на раскол оказали и культурные факторы, ныне устаревшие или устаревающие. Однако, с православной точки зрения причины раскола носят духовный характер; древняя Церковь понимала римский примат как «председательство в любви», осуществляющее общение поместных Церквей, как евхаристических общин совершенно равных по достоинству. Однако, начиная с грегорианской реформы, в процессе веков достигшей своего апогея на Первом Ватиканском Соборе, Рим преобразил свой примат в абсолютную власть над вселенской Церковью и наделил папу «непосредственной и подлинно епископской юрисдикцией» над всеми верующими. Соответственно латинское богословие стало склонно заменять отношение взаимности между Сыном и Духом Святым, «этими двумя лицами Божиими», отношением односторонней зависимости («Дух исходит и от Сына»), что несомненно, усилило значение иерархии, священства *in persona Christi*, в ущерб свободному пророчествованию мирян. Критерий истины не вполне одинаков в «католичестве» и «православии»; в первом случае, это определение, провозглашаемое папой *ex cathedra*; во втором – это присутствие Духа Святого, пребывающего в таинственном Теле Христовом. Это присутствие облечено, разумеется, в конкретные формулы учительской власти, но эта власть находится в тесном взаимодействии со всем народом Божиим и его живым «ощущением Церкви». В 787 году Седьмой Вселенский Собор перечислил условия, которые делают собор действительно вселенским: он должен быть признан папой, проведен с согласия патриархов и выражать общий интерес всей Церкви. С православной точки зрения новая латинская экклезиология нарушила равновесие трех этих начал.

В VII веке ислам захлестнул, но не разрушил полностью старые патриархаты Ближнего Востока, и столица Византийской империи, Константинополь, на долгие века сделалась центром православной жизни и мысли. Центром миссионерским, ибо после обращения славян и румын христианская миссия раскинулась на территории от Балкан до полярного круга. Центром цивилизации, где культура стремилась стать прообразом Иерусалима небесного. Грандиозная литургическая поэма, сложенная в VI и VII веках, была создана эллинизированными сирийцами, умевшими соединить патетику и чувственную образность, присущую народам Библии. Именно эта поэма, столь по-гречески сочетавшая в себе благозвучие с поэтикой света, в качестве «византийского обряда» не юридически, но фактически стала единственным обрядом Православной Церкви. Византийское богословие, плодотворность которого раскрывается для нас все больше и больше, следуя по пути Отцов Церкви, окончательно завершает преобразование эллинизма в горниле библейского Откровения. Святой Григорий Палама, учение которого было одобрено на Константинопольских Соборах 1341 и 1351 годов, отличает непостижимую сущность Бога от Его *энергий*, или *нетварного света*, в котором Он отдает Себя целостному человеку, как его телу, так и душе, и тем самым становится реально доступным нам. В своих мистических размышлениях о Духе Святом Византия в лице святого Симеона Нового Богослова возвращается к видению пророков, а стяжанием Духа называет «жизнь во

Христе» – по наименованию книги светского богослова XIV века Николая Кавасилы – т. е. участие в «таинствах», в коих Воскресший отдает Самого Себя.

Будучи синтезом Востока и Запада, Византия по очереди была разрушена и тем, и другим. Латиняне овладели Константинополем в 1204 году в ярости отмщения. Турки овладели им в свою очередь в 1453 году в ярости очищения. Они и положили конец существованию непрочной византийской империи, оправившейся было после первого разгрома.

С давних пор Церковь отделяла свою судьбу от судьбы империи, временного своего пристанища. «Исихастское» обновление XIV века (от греческого слова *hēsychia*: безмолвие и мир соединения с Богом), ставшее мощным духовным движением, не только посеяло семена света в православном мире, но породило внутреннюю реформу, позволившую Восточной Церкви приспособиться к оттоманскому владычеству, а в XVI веке избежать расколов христианского Запада. Константинопольский патриарх, со времен турецкого завоевания несущий ответственность перед султаном за «христианский народ» империи, продолжал пользоваться первенством чести среди представителей всех православных Церквей и регулярно собирал на соборах восточных патриархов и их епископов... Монастырская республика на Афоне остается духовным сердцем православной эйкумены, отовсюду принимая послушников, повсюду рассылая свидетелей Духа, подлинных внутренних миссионеров Церкви. В собственном смысле миссия среди нехристиан оказалась возложенной на Русскую Церковь, которая одна могла действовать в условиях полной свободы, в рамках новой православной империи, каковой стало теперь русское государство. Миссия развивалась на территории всей северной Азии вплоть до самой Америки, достигнув в XVIII и XIX веках Алеутских островов, Аляски, Китая, Японии. Она сопровождалась громадной работой по переводу Писания и литургических текстов, подобной труду греческих миссионеров, которые создали кириллицу и старославянскую письменность, послужившую евангелизации славянских народов.

В отношениях с христианским Западом православие с XV по начало XIX века проходит долгий период изоляции и самообороны. Ничто еще не заменило ему византийской культуры и ее вечно возрождающегося гуманизма, этой родины осмысления и выражения ее веры. С другой стороны, контрреформация устремляется на Восток; и отнюдь не воля к диалогу между двумя Церквями движет ею, но воля к завоеванию. Так происходит отторжение от православия целых областей, присоединенных к Риму при сохранении прежней литургии. Польские и австрийские власти со всей государственной бесцеремонностью содействуют образованию «униатских» Церквей, которые впоследствии стали камнем преткновения между католичеством и православием и пережили трагическую судьбу, не завершённую и по сей день...

Несмотря на то, что школьное православное богословие окажется зараженным проблемами своих противников, самосознание Церкви будет жить в литургии и духовной жизни; великие соборы XVII века, собиравшиеся в Яссах, в Москве, в Иерусалиме, отстаивают перед лицом протестантов sacramентальную природу Церкви, а перед лицом католиков – «эпиклектическую» структуру таинства: Дух Святой, смиренно «призываемый» священниками и народом (*epiclesis* означает призывание), прелагает хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы.

Искушение этой эпохи – дурно усвоенное византийское наследие, которое порождает сакрализацию царства и национальный messiанизм: «Москва – Третий Рим». Искушение было преодолено – если и не всегда в сознании верующих, то по крайней мере в глубинном сознании Церкви – на большом Московском Соборе (1666–1667), осудившем русских «староверов», приверженцев царства «белого царя» и законнического христианства, религии буквы, закона, обряда и т. п. Ослабленная этим расколом, Русская Церковь оказывается не в состоянии помешать Петру Великому упразднить патриархат и заменить его синодом, управляемым правительственным чиновником-мирянином. XVIII век – трагический период для православия: в Константинополе патриархат становится игрушкой в дворцовых и посольских интригах;

в России Церковь порабощена государством, внесшим жесткие ограничения в жизнь монастырей.

Возрождение наступило на стыке XVIII и XIX веков благодаря новому пробуждению «исихазма». От Афона до Греции, от Греции до румынских княжеств, от Молдавии в Россию пролагает путь это движение, нашедшее свое выражение в составлении и переводах *Добротолюбия*, обширной антологии мистического богословия, пронизанного особым светоносным духовным опытом. Это обновление соединяется в России с потребностью в созерцании, коренящейся в самой гуще народа, в особенности в женской среде, а в греческом мире – начиная с Космы Этолийского – с социальным служением и просвещением народа. На пороге XIX века Никодим Святогорец, Паисий Величковский и Серафим Саровский, как бы в противовес нарождающемуся торжеству голого разума, свидетельствуют о сияющем опыте Духа Святого. Внезапно пробуждается исключительно личностное и харизматическое призвание к «старчеству» (*старец* – *geronda* по-гречески). Среди мирян духовный наставник становился провозвестником *молитвы Иисусовой* и помогал другим нести молитвенный подвиг в современном мире.

В XIX веке христианские народы на Балканах приобрели независимость, и благодаря ей возникли национальные Церкви, не свободные, однако, от следов того церковного национализма, который как язва разъедает и сегодняшнее православие. Константинопольский Собор 1872 года столь же тщетно, сколь и недвусмысленно заклеил его под именем «филетизма». И все же встреча с Западом вместе с обновлением в духе *Добротолюбия*, вызвали активное пробуждение православной мысли. Отцы Церкви переводятся на русский и румынский языки; Филарет Московский постоянно опирается на них в своих проповедях; *Послание восточных патриархов*, объединившихся вокруг патриарха Константинопольского, предостерегает папу от догматического определения непогрешимости, настаивая на том, что истина сохраняется всем народом Божиим; Хомяков и мыслители-славянофилы определяют основные направления экклезиологии соборности; наконец, в пророчествах и прозрениях от Достоевского до Бердяева происходит работа по преодолению современного атеизма... Когда в романе Достоевского убийца и проститутка, открыв Евангелие, со слезами на глазах читают повествование о воскрешении Лазаря, мы чувствуем, что здесь, как бы впервые, христианское слово обращается к современному атеисту. И каждый православный верующий произносит те же слова, уподобляя себя разбойнику и блуднице, когда дерзает приступить к причастию.

Промышленная цивилизация и аналитические и утопические системы мысли, порожденные ею, со всей силой обрушились на православие, и без того плохо приспособившееся к современному миру. Оно сохраняло свою духовную пророческую основу среди прозорливцев, но в народных массах оставалось архаичным. Славянофильство попыталось построить православную *соборность*, однако реформы и прежде всего реформы Александра II, которые могли бы этому способствовать, не были доведены до конца, и само славянофильство скатилось к утраченной сельской идиллии, не способной повернуться лицом к промышленной цивилизации, ставящей свои проблемы и набирающей темп в России в начале этого века. В Греции в оттоманскую эпоху Церковь вдохнула жизнь в существование самостоятельных общин, она сумела сплотить их, явить их красоту, однако прозападная элита независимой Греции либо не знала народной жизни, либо пренебрегала ею, и та, не умея себя выразить, порой выплескивалась в бунты. И потому понятно, что коммунизм – не как наука, но как мессианская утопия – нашел глубокий отклик в народах, прежде всего в русском, прошедшем через незрелую секуляризацию и подсознательно сохранявшем православное упование Царства. Следует сказать, что столкновение коммунизма и христианства в России, а затем и в странах народной демократии, носило чисто духовный характер. Православная Церковь в этих странах, не связывая себя ни с какой экономической и социальной системой, просто безоговорочно приняла новый социалистический порядок. Но в силу самой этой позиции, отягощенной, правда, определенным серви-

лизмом (судить о котором могут лишь те, кто знает по опыту законы выживания при нескончаемом тоталитарном режиме), Церковь выявила самую суть проблемы, которая есть прежде всего проблема назначения человека, принимающего или отвергающего мир духа. Русская Церковь в промежутки между двумя войнами испытала самое страшное гонение из тех, что когда-либо знала история христианства. Благодаря своей гражданской лояльности она, не заключив ни малейшего компромисса в вероучительном плане, получила в советском обществе весьма ограниченные права гражданства. Ей была предоставлена только свобода отправления культа в противовес свободе антирелигиозной пропаганды, и потому ее непрерывное молитвенное служение осталось единственным и поразительным свидетельством о себе самой... Новая попытка удушения, не кровавая, но безжалостная, с 1959 по 1964 годы, явным образом провалилась, хотя и повлекла за собой закрытие многих церквей...

В то же время рассеяние миллионов православных всех национальностей, в особенности греков и русских, в наш век придало православию неоспоримый географический универсализм. В Париже русская религиозная философия принесла свои плоды и сообщила новые импульсы западной мысли. Владимир Лосский во Франции, о. Георгий Флоровский, о. Иоанн Мейендорф в Соединенных Штатах вновь раскрыли и разъяснили для нашего времени великий патристический и паламитский синтез. Павел Евдокимов в Париже и о. Александр Шмемман в Нью-Йорке стремятся, исходя из этого синтеза и великих поисков русской религиозной философии, творчески разрешить проблемы зарождающейся планетарной цивилизации... В арабском православии пророческое Движение православной молодежи, спонтанно вылившееся из недр христианского народа, обновило жизнь Церкви, завоевало доверие мусульман и ныне ищет разрешения трагических проблем стран третьего мира, не утратив при этом духовного смысла православной традиции. В Греции большая апостольская работа была проведена православными братствами, однако нынешний режим контролирует и укрепляет извне определенные формы православной жизни, ныне особенно нуждающейся в новом освобождении духа. Румынская Церковь, прошедшая, как и Русская, через суровые испытания в 60-х годах, провела замечательную работу по осмыслению православия при встрече Востока и Запада. Едва ли не повсюду в рассеянии, но в особенности во Франции и в Соединенных Штатах, Запад ищет встречи с православием, дабы осознать и разделить с ним то самое существенное, что способно соединить всех...

Совсем нетрудно было бы подвести отрицательный итог этой долгой истории: искушение религиозным национализмом, этические и политические расколы в рассеянии, общая слабость интеллектуальной работы, отсутствие свободы в странах, расположенных по ту сторону железного занавеса, трудное приспособление к современному миру в Греции, отсутствие координации в рассеянии. Но есть две нити, свидетельствующие о непрерывности и невидимой плодотворности этой истории, и нитей этих ничто не могло порвать. Первая из них – золотая нить преподобных, каковыми были уже в XX веке святой Нектарий Эгинский († 1920) и старец Силуан Афонский († 1938); вторая же – червленая нить мучеников: «новомучеников» оттоманского периода, бесчисленных мучеников в России 20-х и 30-х годов (но в те же годы на глазах у многих людей неведомым сиянием «обновляются» старые иконы), или мучеников Сербии времен Второй мировой войны. Эти знаменья крови и света всегда сопутствуют друг другу согласно древнему изречению: «Дажь крови и приими дух».

Православие сохранило ощущение тайны и всегда неохотно выражало ее догматически. Догмат, вопреки искушениям падшего разума, который смешивает или разделяет, стремясь к обладанию, хранит в себе непостижимость Бога Живого, Который через любовь становится доступным всему нашему существу, а не одному только разуму. Вот почему догмат построен на антиномии и прославлении; он органически входит в литургическое славословие и в ту область реальности, которое открывается созерцанием. Как говорили в старину: «богослов – тот, у кого чистая молитва, а тот, у кого чистая молитва, тот и богослов». В сердце православной мысли и

духовной жизни лежит пасхальная радость: Бог воплощенный, Бог распятый смертью победил смертью. Он позволил аду и смерти – этим двум силам, неотъемлемым от здешнего нашего удела – овладеть Собой, и как ничтожную каплю ненависти растворил их в пылающей бездне богочеловеческой любви. Прославленное тело Господа соткано из нашей плоти, из всей плоти земли, из безмерности космоса, в Нем преображенной. После Пятидесятницы это прославленное Тело, которое есть уже новое небо и новая земля, в Духе Животворящем приходит к нам в таинствах Церкви, в Церкви как таинстве Воскресшего. Однако это присутствие, которое объемлет Собою и животворит мир, из уважения к свободе нашей остается сокрытым. «Бог может все, – говорили Отцы, – кроме того, чтобы принудить человека любить». Только при достижении личной святости делается зримой эта сокровенная работа Духа. Только святость может приобщить нас к ней, и не только нас, но и все, что нас окружает, «ускоряя» ее окончательное проявление в мире.

Бог Живой, Который отдает Себя в Церкви, есть Пресвятая Троица. Догмат о Троице – святая святых православного богословия, потому только он и есть богословие в настоящем смысле слова. Он открывает, что Бог Живой есть одновременно непостижимая бездна и полнота любви, абсолютное единство, совпадающее с абсолютным же разнообразием. Бог пребывает по ту сторону всякого образа и всякого понятия. Однако вся реальность Бога раскрывается в Его любви, и человек обретает смысл только в образе Божиим, в нем запечатленном, в своей причастности к Тройческому Союзу. Подобно тому, как единый Бог существует в Трех «Лицах», и число три здесь не является шифром, но знаком абсолютного различия, инаковости, законченной и преодоленной одновременно, так и человек – расколотый грехом, но собранный в Телес Христовом – един во множестве личностей, внутренне озаренных пламенем Пятидесятницы. Спасение личное совпадает со спасением всеобщим. Вот почему духовная жизнь в Православии на вершинах своих выражает себя молитвой о том, чтобы все были спасены, «даже и змеи, даже и бесы», по слову святого Исаака Сириянина.

Та непреложная достоверность, которую открывает нам вера, должна питать и наш опыт. Этот опыт в основе своей прежде всего сакраментален и литургичен. Литургия же направлена не только к тому, чтобы возвещать Царство, но и к тому, чтобы – в сиянии красоты – приближать и само реальное его присутствие. Вот почему икона составляет неотъемлемую часть литургии. Она несет свидетельство как о святости личности, так и о тайне мира грядущего. Она напоминает о том, что Бог сделался Ликом, и человек в общении с Воскресшим обретает подлинное свое лицо.

Богатейшая византийская литургия соткана из библейских текстов и святоотеческих размышлений о них. В поэзии, перенасыщенной символами, она облакает в события то, что Библия говорит о Боге, и от деяния Его возносит нас к бездонной Его природе. «Господи, помилуй!» – «Слава тебе, Боже!» – вот равновесие, которое лежит в основе литургии: кающийся становится сослужащим, «человеком литургическим».

Поэтому и литургия служилась всегда на местном языке. Православная Церковь, будучи многоязыкой, никогда не ведала феномена единого языка, подобного латыни в католичестве. Если существует явное расхождение между языком церковнославянским и нынешними славянскими языками, то лишь в силу исторической инерции.

Все причащаются хлебом и вином, Телом и Кровью. Дети, начиная с грудного возраста, приобщаются к христианству (т. е. получают крещение и конфирмацию или скорее миропомазание, которые слиты в одном обряде) и допускаются к причастию. Причащение, долгое время бывшее весьма редким, несмотря на обновление в духе *Добротолубия* в начале века, в наше время все чаще становится еженедельным, в особенности в России, где эта тенденция стала спонтанной и массовой, или в других странах, где она соединяется с духовным обновлением.

Всякий человек призван к духовному деланию, в котором он сознательно должен стать существом «литургическим или, по слову Апостола, «о всем благодарящим». Православная

мистика, мистика трезвения, выдержанная в аскетическом и монашеском духе, остается для всех верующих (постриженных, т. е. предназначенных к «внутреннему монашеству» с самого дня крещения) нормой – пусть и нечасто достигаемой. Вечная жизнь начинается здесь, вместе со «вторым рождением» при крещении, и она раскрывает себя во всех смертях-воскресениях нашего существования. Эта жизнь не может быть ничем иным, кроме как соучастием – через «духовное» тело Христа – в самой жизни Божией и раскрытием повседневного существования в свете, исходящем от Лица Воскресшего.

Путь православия – путь «заповедей Христовых», заповедей блаженства: это путь смирения, бедности, путь слез и любви к врагам; и природа наша со всей ее страстностью распинается и преображается здесь, обращаясь в «теплоту» – не одних только чувств, но всего нашего существа. *Nepsis* – бдение и трезвение и *katanuxis* – мучительная сладость, теплота – таковы ключевые слова этой аскезы.

Православие не знает юридического или морального понятия заслуги. Святой – это грешник, видящий грехи свои и сознающий себя первым среди грешников и тем самым сделавшийся проводником святости Христа, «Освободителя» нашего, Который «един свят». «Дурачки», «Христа ради юродивые», сознательно бросают вызов серьезности и тяжести этого мира, вызывая насмешку с его стороны. Один из них целует пороги в жилищах подонков и проституток, но бросает камни в дома благомыслящих обывателей.

Другой, жестоко преследуемый, утверждает, что никогда не встречал человека, по-настоящему злого. Еще один в прошлом веке говорил, умирая: «Да будут все спасены. Вся земля да спасется».

Другой знак святости, особо близкий православной духовности, – любовь к врагам. Православие особо почитает смиренных страстотерпцев, идущих на смерть с великим страхом, но и с великим упованием, со словами прощения палачам.

Вот почему самая употребительная из личных молитв, сливающаяся с ритмом дыхания – это покаянный возглас, соединяющий нас – благодаря имени Иисусову – с жизнью самой Пресвятой Троицы: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!*

По милости Божией молитва эта воспламеняет сердце, делается «спонтанной», приводит человека к блаженному безмолвию (*hesychia*) союза с Отцом через Сына в Духе Святом. Человек весь делается молитвой. Он становится «мужем апостольским», который может порой исцелять или пророчествовать или читать в сердцах, «человеком духовным» (*pneumaticos*), а в силу этого и подлинным «духовником».

«Жить во Христе», «стать Духом», войти в «Тройческое общение» (*koinonia*) – все это лежит в основе тайны Церкви.

Единство Церкви – единство прежде всего евхаристическое, ибо Евхаристия реальнейшим образом включает верных в Тело Христово. И потому поместная Церковь, возглавляемая епископом, включает в себе всю полноту Церкви единой. Епископ свидетельствует о том, что евхаристическое собрание, на котором председательствует он или священник, его заменяющий, отождествляется с первой Иерусалимской общиной, с той горницей Тайной Вечери, и также через пространство и время – отождествляется оно и со всеми «совершениями» Евхаристии.

Затем единство Церкви понимается в духовном смысле – во всей конкретности действия и присутствия Духа Святого. Истина как печать этого единства не налагается извне, она свободно и сознательно принимается всяким преодолевающим свой эгоцентризм, дабы стать «причащающимся» в таинственном и неразделимом с ним общинном смысле слова. Ибо Дух покоится на сакраментальном Теле Христовом, проявляя себя в единстве веры и любви. Правила веры надлежит формулировать учительской власти в Церкви, однако ее решения должны быть «приняты» совокупностью народа Божия, осознающего их отнюдь не всегда автоматически, но порой с мучительными усилиями разума. Ибо каждый христианин – «духоносец»

и потому ответственен за истину. Этим объясняется значительная роль, отводимая мирянам в преподавании богословия, в братствах, существующих в греческой Церкви, в проповеди, произносимой с благословения епископа.

Наконец, единство Церкви прежде всего «тринитарно»: по образу Пресвятой Троицы Церковь должна быть единой и разнообразной, т. е. сущностно и постоянно соборной, идет ли речь о согласии совести, соединяющем отдельных людей, или о согласии поместных церквей в Церкви вселенской.

В рамках этого согласия образуются своего рода центры, откуда можно наблюдать за живительным взаимообменом между поместными церквями. Обширные независимые содружества («автокефальные» Церкви), связанные общим происхождением и судьбой (как мир латинский, объединившийся вокруг Рима, египетский – вокруг Александрии, сирийский вокруг Антиохии, греческий – вокруг Константинополя), ныне чаще всего составляют национальные общины. Предстоятель каждой из автокефальных Церквей (обычно называемый патриархом) – это епископ, который получает определенные права в силу консенсуса других и не может действовать без их согласия или по крайней мере без согласия синода, их представляющего. Первый епископ – Константинопольский – после временного отдаления Рима сохраняет первенство чести и должен – за пределами национальных границ – служить единству вселенской Церкви. Последствия антиримской полемики и современные националистические уклоны сделали это первенство весьма шатким. Афинагор I был велик тем, что он сумел найти опору для этого первенства в терпеливом изъятии любви.

Ныне православная Церковь являет собой федерацию Церквей-сестер, соединенных верой и таинствами, и стоящих по порядку чести: вселенский патриархат в Константинополе, апостольские патриархаты Александрии, Антиохии, Иерусалима, Московский патриархат, Церкви (возглавляемые патриархами) Сербии, Румынии и Болгарии, Церковь Греции, возглавляемая архиепископом – что служит знаком почтительности к вселенскому патриархату, от которого она долгое время зависела, – Церковь Грузии (возглавляемая католикосом – этот титул дается главам Церквей, находящимся за восточными границами византийской империи), Церковь Кипра, возглавляемая архиепископом, как и Церковь Албании (официально «погашенная» «культурной революцией»), Церковь Польши, Чехословакии и Финляндии; последняя, будучи только «автономной», находится под эгидой Константинополя. Наконец наместник монастыря святой Екатерины на Синае, получающий епископскую хиротонию из рук патриарха Иерусалимского, имеет ранг епископа и пользуется статусом автономности. Традиционные Церкви насчитывают таким образом 150 миллионов крещеных, говорящих на арабском, греческом, славянских, латинском (румынском), кавказских и финском языках. Сюда следует добавить и православную диаспору в странах Запада, насчитывающую приблизительно 7 миллионов крещеных: 4,5 миллиона в Америке (США и Канада), 500.000 в Центральной и Западной Европе (где греки ныне более многочисленны, чем православные русского происхождения) и столько же в Латинской Америке и в Австралии. Миссионерские Церкви насчитывают до 100 тыс. членов, и если ничего неизвестно о Китайской Церкви, то можно сказать, что православные общины существуют в Японии, в Корее, на Аляске, на Алеутских островах; черное православие ныне спонтанно возникло в Уганде.

3. «Под снегом»

Аристоклес Спиру родился 25 марта 1886 года в Цараплане, в Эпи-ре. С первого дня – Дня Благовещения – он под сенью Матери Божией.

Эпир был частью Балкан, где под мягкой дланью оттоманской империи процветала тогда многонациональная цивилизация. В византийскую эпоху славянские племена проникли на эти равнины и были затем эллинизированы. Валашские пастухи кочевали в горах. Позднее возникли небольшие крепкие турецкие общины, и многие албанцы, перешедшие в ислам, помогали завоевателям. Странной была «азиатская» судьба албанцев. В их домах, как бы спрятавшись в теплой золе, дремлет большой уж-хранитель.

Он

Цараплана – славянское слово. После того, как Эпир был аннексирован Грецией, славянское наименование было заменено греческим, Вассиликон. Славяне долгое время жили в этом регионе, и пребывание их оставило множество следов не только в названиях местностей, но и в словаре. Большинство названий деревьев и рек, лесов и источников – славянские.

Мы жили по-восточному. В доме, который освещался керосиновой лампой, не было ни стульев, ни кроватей, только подушки и матрасы, которые вместе с покрывалами расстилались на ночь и вновь складывались по утрам. С наступлением ночи все собирались вокруг очага, сидя «по-турецки»...

Семейство патриарха принадлежало к тем крепким средним классам, близким к народу, что составляли силу эллинизма сначала в Византии, где они долгое время противились феодализации, а затем и под оттоманским владычеством. Дед патриарха по отцу разводил баранов. Когда Афины стали столицей нового греческого королевства, он попробовал стать мясником. Это ему удалось, и потому его сын Маттеос смог выучиться на врача. В оттоманской империи почти все врачи были греками. Турки им доверяли. «Здесь, в Стамбуле, – сказал мне патриарх, – они им доверяли всегда. Часто они даже предпочитали именно их и оставались им верны». Медицина становится наукой, служащей человеку. Это занятие подлинно христианское. Сделать своего сына врачом – для грека оттоманской эпохи было большим и благородным делом. Маттеос поселился в Цараплане. Он был первым врачом, обосновавшимся в этой деревне.

Он

В деревне было около пятисот семейств, живущих на гористом плато, овеваемом ветром и занесенном снегом зимой. Мой отец был сельским врачом, и думаю, что врачом хорошим, потому что люди всегда ценили его предписания. Он постоянно разъезжал по окрестным деревням, куда его звали.

Мать патриарха была дочерью кожевенного ремесленника, который с несколькими подмастерьями шил обувь.

Он

Моя мать была родом из Коницы, эпирского городка побольше Царапланы, насчитывавшего полторы тысячи семейств. Городок процветал благодаря изготовлению так называемых «евзонских» туфель с удлиненными носами, какие и я носил в то время.

Елени Макару получила образование. Она посещала частную греческую школу Parthénagogion, которую и окончила, получив диплом.

Он

В турецкую эпоху Церковь была ковчегом, спасшим язык и культуру греческого народа. Несмотря на все трудности, она предпринимала громадные усилия, чтобы привить ему какие-то знания. Первое высшее учебное заведение в Стамбуле было основано через год после турецкого завоевания в 1454 году патриархом Геннадием, который и сам был известным педагогом. В конце XVI века патриарх Иеремия II даже провел через собор решение о том, что епископы должны открывать школы. В последующие века образованные монахи, соединявшие в себе молитву и культуру, были страстными поборниками народного образования. Церковь была свободомыслящей и не боялась науки, она считала, что развитие образования сделает веру более личной, более сознательной. Она взывала к солидарности христианского народа. Тех, кто был побогаче, увещевала заботиться о даровитых детях из бедных семей. Учителя, чаще всего миряне, составляли учебники, которые безвозмездно распределялись среди учащихся. В моей молодости каждый приход содержал свою школу, а города имели и собственные училища. Высшая школа в Янине, где я учился перед тем, как отправиться в Халки, была хорошо известна. Янина была крупным центром греческой культуры. Большой и прекрасный город со своим лицом, своей музыкой, своими танцами, своими легендами, город, целиком греческий, где турецкие судьи и администраторы должны были учиться греческому языку, чтобы исполнять свои обязанности.

В XV веке, когда великое византийское здание, три века подтачиваемое латинской колонизацией, рухнуло от одного удара, турки для того, чтобы организовать покоренные народы, прибегли к системе непрямого управления. Помимо того, Коран запрещал принудительное обращение «народов Книги», принимавших мусульманское владычество. Махмуд II Завоеватель, по примеру своих предшественников, покорявших христианские земли Ближнего Востока, начиная с VII века, решил дать «христианскому народу», который в его понимании был *Umma-al-Islam* – теократической общиной – настоящую внутреннюю автономию. Вскоре после взятия Константинополя, на церемонии интронизации патриарха Геннадия, он торжественно заявил: «Будь патриархом, сохраняй дружбу нашу и прими все привилегии, коими владели патриархи, твои предшественники». На самом же деле речь шла о привилегиях, куда более широких, ибо они распространялись и на область гражданской жизни, не отделимую для мусульманина от богоустановленного закона. Патриарх становится таким образом *milletbachi*, «этнархом», главою христианского народа, ответственным за его поведение перед султаном. Этот *genos ton christianon* управлял собою по собственным законам; так, благодаря крепости приходской жизни, каждая деревня сама вершила своими делами. Это была община христианских семейств, символически отделенная как от дикой природы, так и от нехристианского мира часовнями и иконами, поставленными у ее границ.

Он

На высоком холме, возвышавшемся над деревней, как это часто бывает в православном мире, находилась часовня святого Илии, потому что пророк Илия жил и молился в горах, которые сами подобны молитве природы. Первое, что люди видели, выходя утром из дома, были горы. И люди чувствовали себя как бы под их защитой.

До конца XVII века условия жизни христиан в оттоманской империи были унижительными, порой трагическими. Они не имели права носить оружие и должны были иметь опознавательные знаки на одежде. Им было запрещено жениться на мусульманках, однако они

не могли воспрепятствовать мусульманам брать в жены христианских женщин. Чувствительное моральное давление побуждало их к переходу в ислам, и всякий раз для мусульман это был праздник, который отмечался с большим торжеством. Напротив, крещение мусульманина влекло за собой смерть как его самого, так и тех христиан, которые раскрыли ему Евангелие. Налог, который накладывался на всю деревню, нависал над *гауа*, «стадом», «паствой». Но тяжелейшим из налогов был налог на кровь. Каждый год офицеры-янычары обыскивали провинции и выбирали самых красивых и сильных мальчиков из родовитых семейств. Их увозили из дома, они получали исламское воспитание, с четырнадцати лет проходили военную и мистическую подготовку, пополняя затем ряды рыцарей священной войны, военного ордена янычаров.

Кровь проливалась также и теми, кого греческая Церковь называет «новомучениками». Речь идет о мученичестве отступника, отрекшегося было из-за честолюбивых планов или ради защиты детей, а затем внезапно вернувшегося к вере и открыто ее исповедовавшего; речь идет и о мученичестве мусульманина, вступившего в Церковь, и того, кто обратил его; и о мученичестве, претерпеваемом иной раз за отказ перейти в ислам; и о мученичестве патриарха Григория V в 1821 году, коего сочли ответственным за греческое восстание и повесили на воротах патриархии... «Если кто-то спросит, – говорил Никодим Святогорец, – почему Бог пожелал явления новых мучеников в наше время, то я отвечу, это понадобилось для того, чтобы кровь мучеников напитала собою всю православную веру...»

Однако, в течение XVIII века, оттоманская империя изменялась, и в тот момент, когда ее культура достигла настоящей изысканности, в так называемую «эпоху тюльпанов», она потерпела и первые военные поражения на Украине и на Дунае. Турки по рождению сами вступали в орден янычаров, и налог на кровь мало-помалу исчез. За недостатком ренегатов империя должна была пользоваться услугами греков, занимавших высшие должности в государстве. В XIX веке эта тенденция еще более укрепилась и привела к мощному социальному возвышению греков, которые стали коммерсантами, врачами, адвокатами, инженерами, профессорами университетов. Когда Афинагор I был ребенком, то министрами иностранных дел империи были греки Саввас, затем Александр Карафеодори-паша. Десяток послов или полномочных представителей Порты были греками, и среди них Муссурус-бей, дед графини де Ноай. Греком был и личный врач султана Абдуль-Хамида, коего в качестве ученого медика тот же султан посылал к Луи Пастеру. Два с половиной миллиона греков жили тогда в независимой Греции и более восьми миллионов – в оттоманской империи. После ряда серьезных конституционных кризисов империя явным образом склонялась к установлению равного достоинства для всех этнических и религиозных групп. Для многих греков этот «оттоманский» вариант, который они хотели бы заимствовать у многонационального государства Габсбургов, был единственным решением, при котором учитывалась бы разбросанность греков, а также их роль как социальной и интеллектуальной элиты. Но для того, чтобы понять их, как и для того, чтобы понять патриарха, нужно отыскать основания более глубокие: эти оттоманские греки не были националистами в современном смысле слова, скорее они были византийцами, сохранившими от Византии ощущение греко-православной вселенскости, к которой принадлежали не столько по своему этническому происхождению, сколько своим православием и своим греческим, хотя и служившим в качестве второго языка.

Он

Любая разнообразная, разноцветная цивилизация стремилась выразить себя на современный лад. Турки свалились на нас как снег на голову. Но и под снегом мы хранили тепло.

* * *

Он

Район, в котором я родился, был занят турками веком раньше Константинополя. В Цареплане были и христиане и мусульмане. И все жили в добром согласии. Единственному полицейскому-турку – я еще помню его имя: Али-Бей – нечего было делать. У нас не было ни ссор, ни стычек, ни тяжб. Христианские и мусульманские дети играли вместе. На крещение приглашались друзья-мусульмане, а они звали нас, когда праздновали обрезание сыновей. Это была библейская жизнь, в которой все мы чувствовали себя детьми Авраама. На праздник жертвоприношения Ибрагима, т. е. Авраама, мусульмане закалывали барашка, а мы ели нашего пасхального агнца. День святого Георгия праздновался всегда особо. Рядом с нашим домом находилась посвященная ему церковь с древней иконой святого. Люди поднимались на холм, чтобы дожидаться восхода солнца, а после литургии танцевали. Однако и для мусульман это был праздничный день, праздник Кидирле, аль Хидры, вечного зачинателя, явившегося иудеям под именем Илии, а христианам под именем Предтечи. Так по крайней мере говорили дервиши. Ну, а молодежь себе веселилась; в этот день полагалось качаться на качелях, чтобы год был удачным!

Братства дервишей играли большую роль в оттоманской империи. Они были хранителями суфийской мистики, и своеобразие каждого из братств определялось в соответствии со способом призывания имени Божия. Именно здесь открылась возможность для духовно значимых встреч между исихастами и приверженцами *zīkr'a*, некоторые из которых придавали исключительное значение *nefes-Issa*, Дыханию Иисусову. Мусульмане или нет, люди охотно приходили к дервишу: побеседовать, за советом, за утешением, а то и за исцелением.

Он

Дервиши были очень достойными людьми, весьма терпимыми к христианству, обладавшими иной раз подлинным духовным опытом. Общины их назывались текиями. В Эпире их было множество. Их можно было принять за православных монахов: то же длинное одеяние свободного покроя, волосы они, правда, стригли хотя и не всегда. В моей деревне жил дервиш, имя которого я помню: дервиш Ямилъ. Он часто приходил к нам в дом, садился с нами за стол. Моя мать и сестра очень любили его и не имели от него тайн. И он лучше знал их сердца, чем священник из нашей деревни.

* * *

Отца патриарха Маттеоса Спиру уважали и даже немного побаивались. Он казался суровым. Физически патриарх не очень похож на него. Несколько фотографий, которые от него остались, изображают человека коренастого, энергичного, не особенно кроткого, с лицом, окаймленным короткой бородкой, к феской на голове, как носили в оттоманской империи после того, как новая эпоха покончила с тюрбанами.

Может быть, патриарх унаследовал от своего отца его самообладание и отсутствие какой бы то ни было снисходительности к себе.

Он

Мой отец был человеком верующим, но вера его была незаметной и сдержанной. Он не говорил о подобных вещах. Но он осенял себя крестным знаменем перед едой и ходил в церковь по воскресеньям. С нами он был суров, но без жестокости. Благоволил он, собственно, только к дочери. Однако нас, мальчишек, если и бил когда, то только носовым платком!

У Спиру было трое детей. Аристоклес был старшим. Затем шел брат, младший двумя годами и умерший в 1948 году, и сестра, моложе патриарха на три года и живущая ныне в Афинах.

Он

Отец мой был врачом. Но другие члены его семьи имели землю, разводили баранов, как это делал мой дед. В детстве я любил вырезать палки для пастухов.

У меня нет фотографии моей матери. При ее жизни еще не было деревенских фотографий. Но у меня зато есть фотография отца, который пережил ее. Я поместил эту фотографию в свой маленький портативный иконостас, с которым никогда не расстаюсь, когда отправляюсь куда-нибудь в дорогу.

По рассказам очевидцев мы знаем, что Елени была красива. Ее называли *Poulia* – «вечерняя звезда». Высокая и стройная, она обладала царственной походкой. Патриарх похож на нее. В нем есть ее благородство и, – когда он хочет того, – ее мягкость. И та же царственность осанки. Елени любили. О ней еще и по сей день вспоминают в Вассиликоне как о благодетельнице.

Дом и семья их матери в Конице привлекали многих детей.

Он

В Конице жила Ефросина, наша бабушка по матери, и дядя, которого мы особенно любили, а также тетка, умевшая петь героические песни клефтов, которые всегда жили свободными в горах. Мы отправлялись в Коницу на каникулы. И как же мы их ждали!

В вере воспитала нас мать. Собственная ее вера была истовой, заразной. Вечерами, баюкая нас, она тихо напевала нам церковные песнопения. Она рассказывала нам о святом Косме, Косме Этолийце, пришедшем в Цараплану веком раньше.

Косма вырос в семье бедных крестьян. Он работал в поле. В 20 лет он ушел на Афон. Ушел, чтобы учиться, ибо на Афоне была одна из тех школ, которые для греческого народа сыграли роль подлинного университета. Затем он становится монахом, уходит в безмолвие, молится, плачет о грехах своих. В сорок пять лет Бог призывает Его идти в мир, дабы стать проповедником и наставником для народа. Но Бог ли зовет его в самом деле? Косма открывает Библию и читает: Не пекись об одном лишь своем спасении, но и о спасении других. Он находит старца «пустынножителя», живущего на самом краю святой горы. И человек Божий подтверждает то, что до сей поры было для него лишь внутренней достоверностью. И Косма отправляется в Константинополь, где патриарх одобряет его новое призвание. С этого времени и до мученического своего конца Косма пешком или верхом на муле колесит по всему греческому миру. На деревенской площади, где его встречает народ, он воздвигает большой крест и у подножия его вступает в беседу со своими слушателями. «Есть ли в этом собрании тот, кто любит братьев своих? Пусть он встанет и скажет мне об этом. Я хочу благословить его и попросить всех христиан простить его. – Я, отче святой, я люблю Бога и братьев моих. –

Хорошо, сын мой. Да пребудет мое благословение с тобою. Как тебя зовут? – Костас. – Чем ты занимаешься? – Пасу овец. – Чтобы продать сыр, ты его взвешиваешь? – Взвешиваю. – Сын мой, ты научился взвешивать сыр, а я – любовь... Почему ты знаешь, что любишь братьев? Идя из одной деревни в другую, я только и говорю, что люблю Костаса, как собственные глаза. А ты, чтобы мне поверить, захочешь в этом убедиться. А у меня есть хлеб, а у тебя нет. Если я разделю его с тобой, это будет знаком того, что я люблю тебя, но если я съем весь мой хлеб, а ты будешь голодать, это докажет, что любовь моя лжет... Любишь ли ты этого бедного ребенка? – Да, я люблю его. – Если бы ты любил его, ты купил бы ему рубашку, потому что ее нет у него. Твоя любовь обманывает. Но если хочешь, чтобы любовь твоя была из золота, одевай бедных детей...»

Ибо нужно стяжать «обе любви», любовь к Богу и любовь к ближнему. «Как ласточке нужны оба крыла для полета, так и нам нужны обе эти любви для нашего спасения».

Стяжать «обе любви» – значит также и почитать женщину. «Сердце женщины легче смягчается... Господь родился от жены, чтобы благословить жену... Женщина равна мужчине. Она заслуживает столько же уважения, ибо зачастую делает дело, которое неспособен делать мужчина».

Стяжать «обе любви» – значит претворить в жизнь поучение: «Есть ли в вашей деревне школа, где могли бы учиться ваши дети? – Нет, святой отец, у нас ее нет. – Соберитесь все и постройте хорошую школу. Потом назначьте совет для управления ею и поищите учителя. Пусть учатся все дети, бедные и богатые. Только тогда, когда твой ребенок выучится, его можно будет назвать человеком. Школа открывает церкви, школа открывает и монастыри».

Нужно цитировать Косму не жалея места, ибо то, что он говорил людям, совпадает в принципе с тем, что говорит Афинагор. И для того, и для другого две любви неразделимы; и в том, и в другом есть ощущение социальной ответственности, и почитание женщины, и любовь к образованию, и уверенность, что развитие его послужит и лучшему пониманию веры. Косма основал два лица и более двухсот общинных школ, причем одну из них в Цараплане. Он проявлял также живой интерес к технике и к ее изобретениям и делал необычные предсказания (ведь умер он, не забудем, в 1779 году): «Люди увидят повозки без лошадей, бегущие быстрее зайца. Придет время, когда в Москве заговорят о Константинополе, как если бы их разделяла одна перегородка. Из одного места можно будет увидеть себя в другом, оставаясь как бы в одной комнате...» Это столь греческое почитание способностей человека присуще также и патриарху. Присуще, но не в качестве прометеевского опьянения, а в виде серьезного раздумья Софокла, знающего, что смерть и смысл жизни постигаются не здесь.

Аристоклес Спиру поступил в школу в Цараплане; ее веком ранее основал святой Косма.

Он

У меня была учительница, которая казалась мне очень красивой. Я увидел ее снова в 1963 году, когда вернулся в мою деревню во время путешествия по Греции. Почти столетняя, высохшая, слепая, но сохранившая весь свой разум. Я сказал ей, какой прекрасной казалась она мне, когда я был ребенком. И как поразило ее это запоздалое признание!

После двух лет царапланской школы Аристоклес с 1895 по 1899 год учится в Схолархионе, в Конице. Но в 1899 году все оборвалось – и школа, и почти сама его жизнь.

Он

Мне было тогда тринадцать лет. Моя мать и я заболели почти одновременно. Я потерял сознание; все перемешалось, и так прошли недели. Когда сознание вернулось ко мне, я стал искать мать. Ее не было рядом. Мой отец сказал мне, что отослал мать в ее семью, в Коницу.

«Не могли же мы иметь двух тяжело больных в одно время в одном доме». Я стал дожидаться возвращения матери. Я только начал выздоравливать, меня одолевала страшная усталость. Я был кожа да кости. Однажды зимой я грелся на солнце в углу двора. Входит какой-то человек и спрашивает: «Здесь живет Маттеос Спиру? Ну, тот, у которого умерла жена». Так я узнал о смерти матери. Она умерла три месяца назад. Ей было тридцать семь лет. Я так и не оправился от горя. Мне ее всегда не хватает.

Моей сестре было десять лет, когда наша мать умерла. И вот, одаренная настоящим мужеством и крепким здоровьем, которое ей так понадобилось в трудной жизни, и тем доверием к Богу, что всегда было ей свойственно, она стала старшей по дому, маленькой матерью.

Часто втроем мы поднимались на высокий холм и смотрели в сторону Коницы, как мусульмане перед молитвой обращают лицо к Мекке. Коница – город нашей матери.

Только в 1901 году Аристоклес Спиру вернулся к учебе, на этот раз в высшей школе в Янине. В следующем году он решил поступать в богословскую школу в Халки, рядом с Константинополем. Смерть дважды посетила его, его собственная и смерть матери; матери, которую никто не мог заменить. Это мать своей верой и воспитанием заронила в ребенке чувство, что любовь сильнее смерти.

Августовским вечером 1968 года служилась всенощная, за которой я не видел патриарха. Обычно он не пропускал ни одной службы и приходил в церковь со звоном колокола. Он появился лишь в момент последнего благословения и спросил меня: «Видали вы здесь мой патриарший трон?» Он повел меня в притвор и показал на скромное кресло под Богородичной иконой, серьезной и светлой. «Совсем рядом с Матерью», – сказал он мне.

4. Халки

В сентябре 1903 года по рекомендации митрополита Янинского Аристоклес Спиру был принят в халкинскую школу. Там ему предстояло завершить среднее образование, а затем приступить к изучению богословия.

Халки – остров, расположенный рядом с Константинополем. Константинополь был тогда городом-космополитом в самом расцвете. Там проживало около полумиллиона греков, половина всего его населения. На севере Золотого Рога они создали новый, вполне европейский город, где образованные люди говорили по-французски, где женщины одевались по парижской, а мужчины по лондонской моде, а в кафе звучала итальянская музыка. Греческими были также города, что вытянулись к северу по берегу Босфора, с их ресторанами на лоне природы, куда в сезон захаживали люди лениво посмотреть на морской поток, по которому беззвучно двигались огромные суда.

Он

Многие жители Эпира эмигрировали в Константинополь и его пригороды. Они становились бакалейщиками, мясниками, менялами. Одни, накопив состояние, возвращались домой. Другие оставались, и дети их иной раз делались врачами или адвокатами.

Те, кто был посмелей, уезжали по своей воле, почти подростками. Других же к этому вынуждала необходимость, отсутствие работы в самом Эпире; иной раз им приходилось оставлять там жен и детей. Ребенок вырастал, не зная своего отца, и вот приходил день, когда он отправлялся в Константинополь, чтобы его отыскать.

Каждый раз вся деревня провожала уезжавшего до границ своей земли. Провожали с песнями, которые надрывали душу: «Разлука живых хуже разлуки мертвых».

И наоборот, великой радостью было, когда кто-то возвращался домой еще молодым. Свахи считали мулов с тяжелой поклажей или лошадей, которых он вел за собой. Если их было много, они оповещали о том молодых девиц.

Один из моих дядюшек обосновался в деревне на берегу Босфора, в Мегалон Ревма, «большом потоке», как называли его по-гречески, в то время как турки называли его Арнавут Кои, албанская деревня, ибо туда приезжали и албанцы. Албания и Эпир расположены рядом; у нас было много албанцев, и много греков жило в тех местах, которым затем суждено будет стать Албанией. Дядя мой был бакалейщиком. Я ненадолго ездил к нему на каникулы. Мегалон Ревма стала в чем-то моей родной деревней.

Халки находится, однако, вдали от всех этих поселений. Мир и тишина соединяются здесь с красотой.

Представим себе горстку островов в Мраморном море. Их называли сначала «священниковы» из-за множества монастырей, затем «принцевы», потому что в византийскую эпоху сильные мира сего имели здесь свои резиденции, становившиеся иной раз и местами ссылки. Каждый остров имеет свой город, носящий то же наименование, занимающий много места, скажем, целый склон холма, широкую ложбину, мыс... Город живет морем, а не землей. Греки – народ моря, и потому острова в то время, когда патриарх учился там, были заселены почти исключительно греками. Халкинский «схоларх», местный островитянин, объяснил мне, как в заливах и протоках рыбаки отыскивают рыбные косяки, ориентируясь по полету морских птиц. За исключением нескольких садов, здесь почти нет ни возделанных земель, ни ферм, но сразу же за городом начинаются необитаемые лесистые холмы. Земля усеяна мелкой охровой галькой; само слово Халки или Чалки происходит от греческого *chalsis*, что значит медь. На этой земле, легкой и словно металлической, растут раскидистые и ветвистые сосны, чья кора тоже

окрашена в красноватый цвет. Этот огонь, сокрытый в земле, в стволах и ветвях придает особую свежесть и выразительность повсюду встречающему нас морю. Монастыри и отшельнические скиты такие, как монастырь святого Георгия в *Принкипо*, как бы наделяют «пустыню» духовным содержанием. Поднимаясь из морской пучины, эти острова укоренены и в небе.

Ночью не знаешь уже, где небо, а где море. И освещенные города делают острова как бы огромными созвездиями. От школы, которая стоит на самом виду, мы как будто плывем в пространства, где собираются звезды, дабы «воскликнуть от радости», как сказано в Книге Иова.

В Халки, в маленьком городке, построенном в ложбине вокруг церкви святого Николая, есть просторные деревянные дома в турецком стиле и сады, хмельные от жасмина. Цветы жасмина, нанизанные на тонкие стебельки, распространяют аромат, который охватывает нас уже на пристани. Глубина моря у набережной столь велика, что здесь не слышно прибоя, а только тихое покачивание широких волн, отливающих темной синевой.

Школа находится в стороне, на холме, имеющем форму купола, который на расстоянии предстает как *omphalos*. Белые стены немного выше вершук сосен. Школа является также и монастырем, посвященным Троице, ибо ученики ее, даже если они и решают стать женатыми священниками, живут в ритме монастыря. Сам монастырь возник куда раньше школы, он старше ее на целое тысячелетие. Основал его патриарх Фотий в IX веке, тогда как школа существует с 1844 года. В конце прошлого века землетрясение разрушило деревянные постройки, никого при этом не ранив, ибо, как рассказывал мне патриарх, все находилось в трапезной, оставшейся неповрежденной. Тогда были возведены нынешние каменные здания. Ансамбль просторен и красив. Он состоит из главного корпуса с двумя перпендикулярными крыльями. В пространстве, ограниченном ими, находится церковь, построенная не позднее XVIII столетия, с алтарем, обращенным к морю. Ряд могил, в том числе и нескольких патриархов, располагается полукругом вокруг этого алтаря.

Фронтон и вестибюль храма величественны. Но при входе, в глубине под двойным пролетом парадной лестницы – простая дверь, за которой в зеленом и золотом полумраке открывается длинный проход. Он ведет в церковь. И издалека видны силуэты двух лампад, горящих по обеим сторонам царских врат – одну перед иконой Христа, другую – перед иконой Богородицы.

Искусство барокко превратилось в этой церкви в нечто подобное сюрреалистической феерии. Иконостас, кафедра, патриарший трон, паникадило, светильники – все вырезано из дерева и покрыто золотом, всюду – легкая и точная резьба, изображающая крылатых животных. Над пюпитрами певчих – золотые драконы, несущие лампы. Над кафедрой вздымается бра, на котором сидит орел. Большой крест над иконостасом кажется парящим на двух пламенеющих крыльях.

Все пронизано тихим присутствием Матери Божией. Некоторые из Ее икон считаются прекраснейшими произведениями православного искусства. Так в притворе находится образ Богородицы Утешительницы и «Одигитрии», «Путеводительницы», ибо Она указывает на Сына, являющего Собой единственный Путь. «Сама Ты коснулась моего сердца, и затрепетало оно от Твоего зова... Мне глянули в душу очи Царицы Небесной, грядущей на облаках с Предвечным Младенцем. В них была безмерная сила чистоты и прозорливой жертвенности, – и знание страданий и готовность на вольное страдание, и та же вещая жертвенность виделась в недетских мудрых очах Младенца» (о.Сергий Булгаков, *Свет Невечерний*). Лики и руки изображены темными, пребывающими как бы в ожидании тайны, словно в долгой ночи солнцестояния, но черты ликов выписаны светлыми, почти резкими, как будто их прочертили птицы, чей полет возвещает рассвет незакатного дня.

Вокруг храма и школы раскинулся большой сад с соснами, кипарисами, маслинами, олеандрами, которые в действительности представляют собой густо красные лавровые деревья. Затем розы, жасмины... Монастырские сады на христианском Востоке символизируют собой своего рода «луг духовный», возвращение к раю. Мы привыкли к банальному противопостав-

лению Церкви и мира, однако существуют и уделы мира сего, непосредственно освещенные светом Церкви, где молитва и труд человека возвращают землю к ее истинной, райской природе. Нужно прежде всего открыть для себя истину земли, когда, соединясь с небом, она делается храмом Бога Живого. В *Братях Карамазовых* Алеша после того, как «во сне» его покойный учитель позвал его на брак в Кану Галилейскую, дабы пить «новое вино, вино радости великой», выходит в монастырский сад: «Над ним широко, необоримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд... Свежая и тихая до неподвижности ночь облекла землю... Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная как бы соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю.

Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливаясь своими слезами и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков. «Облей землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои...» прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны... Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров сошлись разом в душе его, и она все трепетала, «соприкасаясь мирам иным».

Он

Да, здесь я начал читать Достоевского. Это была одна из тех встреч, которые повлияли на меня сильнее всего. Какой громадный ум! И как он сумел увидеть в атеисте, притязавшем быть сверхчеловеком, потерянного ребенка, душевнобольного, к которому приходит Христос, чтобы взыскать и спасти его в том аду, где он сам себя запирает. И Христос приносит ему подлинную свободу, а взамен просит только любовь.

Я составил себе также целую библиотеку французских книг, ибо выучил французский когда еще учился в Конице. Это было дешевое собрание, именовавшееся «национальная библиотека». Каждая книжка стоила один пиастр. Так у меня собралась сотня книг. Более всех я любил Виктора Гюго и его роман *Отверженные*; книга, которая рассказала мне тогда о подлинном епископе, о человеке, знавшем о том, что молитва и любовь обязывают...

Еще две книги оказали на меня большое воздействие. Одна из них – *Парсифаль* Вагнера. Позднее я видел постановку *Парсифаля* в греческом театре в Америке. Но сначала я прочитал его здесь во французском переводе. *Парсифаль* – это поиск Грааля, который означает для меня единство. Потому что экуменизм, одно из самых значительных явлений XX века – это не что иное, в сущности, как поиск святого Грааля, той Чаши, от которой все мы сможем причаститься Крови Господней... Последние годы я вижу иногда Грааль во сне, вознесенным над всеми холмами, которые открываются с Фанара, на противоположном берегу Золотого Рога.

Другая книга, ставшая для меня откровением, это французский роман, ныне совершенно забытый, роман графини Брианкур, называвшийся, кажется, *Два корабля*. Автор построил свободный парафраз евангельской истории о чудесном лове. Два корабля – это лодки Петра и Иоанна. Иисус появляется на берегу и велит Петру бросить сети. Петр отвечает, что трудился всю ночь и ничего не поймал. Однако он повинуется. И сеть, которую он вытаскивает, до такой степени полна, что едва не рвется. Тогда Петр зовет на помощь Иоанна и Андрея, которые находятся рядом, в другой лодке. И они приходят, чтобы помочь ему собрать чудесный улов. То же самое происходит и сегодня: Петр призывает Иоанна на помощь, а иначе сеть Церкви порвется. Петр – это Рим, Иоанн – Православие.

Эти книги пробудили меня. Потому что наши преподаватели никогда не говорили нам о том, что в других Церквях может быть что-то хорошее, о всем богатстве христианского опыта, который они таят в себе, обо всем, что у нас есть общего с ними. Они говорили только об отли-

чих, о ересях. О том, что разделяет, но не о том, что соединяет. Это было обучение страху, страх же вызывает недоверие и презрение. Правда, нам надо было обороняться. В народе латиняне вызывали раздражение тем, что пытались использовать нашу слабость и давление ислама, чтобы обратить и перекрестить нас. В Константинополе во времена моих занятий богословием, католический священник всякий раз отворачивался, встречаясь со священником православным. Он поворачивал голову, не хотел его знать. Мне еще приходилось сталкиваться с этим в Соединенных Штатах. Например, в поезде, когда католический епископ или священник встречался со мной, он спешил пройти мимо, а если мы оказывались в одном купе, упорно игнорировал меня. И тем не менее уже в Халки я почувствовал, что началась новая эпоха, та, которую я называю ныне третьей эпохой Церкви, когда после времени ненависти и неведения мы возвращаемся к неделимой Церкви, обогащенной и углубленной...

В Халки почти не обучали великому Преданию нераздельной Церкви, Преданию святоотеческому. Поэтому в последние годы я основал институт патриотических исследований в Фессалониках. Нас учили богословию абстрактному и полемическому. Конечно, существовало и Евангелие, и оно неисчерпаемо. Тогда я возымел обыкновение каждый день прочитывать по главе из Евангелия. На мое счастье наш преподаватель Нового Завета Вассилиос Антониадис сумел внушить нам любовь к слову Божьему...

Семь лет, которые я провел в Халки, объясняют мою привязанность к этому месту. Я возвращаюсь сюда немного отдохнуть, не столько как патриарх, сколько как бывший студент. В каком-то смысле я в чем-то еще халкинский монах...

Правда, кофе здесь был плохим. Я кончил школу, исполнившись отвращения к кофе. С тех пор, если я и пью его, то лишь по указанию врача, как лекарство!

В 1906 году Аристоклес Спиру узнал о замужестве своей сестры. Ей было шестнадцать лет, когда отец выдал ее замуж. Рано, слишком рано. Это «слишком рано» произносится патриархом с горечью: сестру ожидало раннее вдовство, жизнь ее не сложилась.

В следующую зиму в первый год обучения богословию юноша тяжело заболел. Его поразила какая-то болезнь внутренних органов, причину которой врач не мог определить. Две недели он провел в лазарете, но напрасно. Он хирел и уже опасался, что ему придется бросить учебу. Но жизнь избавила его от этого нового испытания. Посещая со мной халкинский лазарет, патриарх шуточно рассказывал мне об обстоятельствах своего выздоровления. Однажды он увидел, что один из его приятелей пьет темную жидкость. «Вино? Как тебе удалось раздобыть?» – «Да нет, какое вино, это сироп из слив, лекарство». Аристоклес стал покупать чернослив и день за днем отдавал его больничной сестре, которая его готовила. Так он лечился шесть месяцев до окончательного исцеления. Он вернулся в больницу только на четыре дня на третьем году обучения богословию, и только на один день в последний год.

В 1908 году умер его отец. Ему было пятьдесят шесть лет. Умер внезапно, от остановки сердца. Возвращаясь из одного из обходов, он почувствовал себя плохо, сошел с лошади, присел на камень у дороги. А затем сполз в пыль. Его нашли уже мертвым.

Аристоклес Спиру решил стать монахом. Но монахом не в монастыре, а в служении людям, как и его отец. Монахом и дьяконом, что значит слугой.

Т.е. слугой христианских народов, чье будущее с того времени казалось уже вполне обеспеченным в оттоманской империи. В 1908 году султан Абд-уль-Хамид под давлением Салоникской армии, поднятой реформаторами, вынужден был ввести в действие мертворожденную конституцию 1876 года, предоставлявшую равное достоинство в империи всем гражданам и общинам. В Стамбуле – взрыв ликования; все население высыпало на улицу: мусульмане, православные, армяне, католики – все братались, обнимались, плакали от радости, пели Марсельезу. Старый «красный султан», захотевший вскоре после этого установить автократию, был смещен, и империя как будто бесповоротно вступила на путь сознательного многонационального государства.

После смерти отца Аристоклес Спиру, даже и при дяде-бакалейщике, столкнулся с трудностями. Его средства были весьма ограничены. По воскресеньям, когда его товарищи по учебе отправлялись в Стамбул, ему приходилось оставаться в Халки. Бедность научила его дисциплине. Человек Церкви, говорит он, должен уметь быть бедным.

В марте 1910 года, после окончания занятий Аристоклес Спиру принес монашеские обеты и был посвящен в сан дьякона. При своем пострижении он выбрал имя Афинагор.

Почему именно Афинагор?

Он

Я восхищался тогда архидьяконом на Фанаре, которого звали Афинагором. Я заинтересовался также апологетом, носившим это имя, одним из великих свидетелей ранней Церкви – он жил во II-ом веке – имевшим дар к слышанию Слова в древней мудрости и даже в поэтическом творчестве. Поскольку я не мог сохранить имени, данного мне при крещении, я выбрал имя Афинагор. Я познакомился с тем архидьяконом через общих друзей, и он проникся ко мне симпатией и стал моим духовным наставником. Он полагал, что со дня на день будет назначен митрополитом и обещал взять меня в секретари. Но поскольку ничего подобного так и не произошло, и ожидание затягивалось, я согласился стать помощником епископа города Монастир. А мой архидьякон стал-таки митрополитом, но через тринадцать лет после меня!

Мое новое имя имело одно неудобство: оно не фигурировало в календаре. Апологет был слишком большим другом поэтов, чтобы оставаться строгим богословом, так что он так и не был канонизирован. И оказалось, что у меня нет именин. Тем не менее, когда тот архидьякон стал митрополитом, он в конце концов отыскал святого Афинагора в календаре одной древней Восточной Церкви, кажется армянской. Он приложил старания к тому, чтобы ввести свой праздник в православный календарь. Ну а я, дождавшись его кончины, потихоньку удалил потом это новшество. И остался без именин до сего дня!

Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написано новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает. (Откр 2.17).

5. Монастир

В июле 1910 года молодой дьякон Афинагор поступает на службу к епископу Монастирскому, митрополиту Стефаносу. Тот поручает ему заботу о школах, тех самых школах, что спасли язык и культуру православного народа. Афинагор со страстью отдается этой работе. В Монастире он выражает собой традицию образованных монахов-учителей, воплощая истинный христианский сократизм, составляющий одну из линий жизни греческой Церкви. Традицию Космы Этолийца, которого тогда канонизировали.

Став во главе организации, ведающей просвещением, он получает и сан архидьякона. В 1912 году после смерти Стефаноса новый епископ Хризостом Кавуридис делает его начальником своей канцелярии. Афинагору только двадцать шесть лет, но его культура и активность производят впечатление. В нем чувствуется труженик-систематик, вникающий в детали и проводящий ночи за чтением, ибо его интересует буквально все. С этих пор у него устанавливается повседневный контакт с народом, и этот контакт никогда не прервется. Каждое утро вплоть до сегодняшнего дня дверь его открыта для всех. «Я – старый бюрократ, – любит говорить он, – я провел жизнь на службе у людей и знаю их».

Монастир в 1910 году воплощает собою все балканское разнообразие. Город насчитывает 30 тыс. турок, 15 тыс. греков, 5 тыс. болгар, 2 или 3 тыс. сербов. Врачами в нем также служат греки, и они пользуются доверием всех.

Здесь сложился тот же балканский конгломерат торговцев и полу-деревенских жителей. Улочки с круглыми мостовыми, широкие пыльные улицы, на которых лачуги стоят вперемежку с благородными домами из резного дерева и которые в ярмарочные дни заполнены пестрой толпой, занятой и одновременно беззаботной. Сюда приходят албанцы с пышными усами и надменные валахи; спускаясь с гор, они заходят в узкие и глубокие лавки или усаживаются в кафе, чтобы медленно перебирать четки, но четки не молитвы, а лени, чистого ритма праздности. Время от времени попадает большая мечеть с ее пустым и чистым пространством. И множество малых храмов, прижавшихся к земле, чтобы не превысить высоту соседних домов – согласно старому еще запрету завоевателей. На берегах реки турки посадили тополя, которые на этих вытянутых и зеленых Балканах напоминают им темное пламя анатолийских кипарисов...

Македония той поры – место встречи разного рода мистических ясновидцев, ведущих свою родословную от Авраама. На Афоне исихасты нисходят в «бездну сердца», дабы обрести в нем «нетварный свет», озаряющий лик Воскресшего. В Салониках последние каббалисты, чьи предки пришли сюда из Испании, разгадывают Библию как зашифрованный документ, дабы высвободить Шехину – таинственное Присутствие – из ее заточения... Там и здесь встречаются дервиши, стремящиеся «угаснуть» в призывании Имени, дабы через них зазвучало одно лишь имя Аллаха.

В Монастире находятся крупные текии орденов Мевлеви и Бекташи. Афинагор заводит дружбу с дервишами. И Мевлеви в силу достаточно редкого расположения приглашают его побыть на их духовных упражнениях. Основатель ордена Джелалль-Эддин не был ли назван Руми, Ромеем, т. е. византийцем? Не был ли он одним из друзей христиан, соединенным духовным братством с греческим монахом, недалеко от могилы которого он и пожелал упокоиться в своей гробнице в Конья?

В комнате, предназначенной для молитвы, приглашенные усаживаются на узких диванах вдоль стен. Несколько музыкантов занимают места на эстраде. У одних в руках барабаны, у других флейты. Бронзовые барабаны с их низким и глухим звуком задают ритм. Флейты звучат жалобно, слезно-гнусаво, как бы исторгая душу из ее глубины. Шейх монотонно читает четверостишие Мевланы, созданной Учителем, Джелалом-Эддин-и-Руми:

О день вставай, атомы танцуют.
Души, от любви безумные, танцуют.
Небесный свод, служа Ему, танцует.
Я скажу тебе на ухо, куда ведет этот танец.

Затем дервиши поднимаются. Ритм ускоряется, и все начинают вертеться на месте, все быстрее и быстрее. Одевание каждого танцовщика образует вокруг него темный круг. Тело вращается, мир вращается, но душа становится неподвижной осью, она освобождается от мыслей, она застывает в безмолвии и мире.

«Они кружатся в каком-то экстазе, – сказал мне патриарх. – И какие лица у них, какие взгляды! Лица, обращенные вовнутрь, бесконечно умиротворенные, полные света...»

Этот поучительный опыт встречи народов и религий оказал неизгладимое впечатление на будущего патриарха. Увы! Европа утратила пути единства. Рост идеологий насилия, разрушение традиционных форм общинной жизни, вызванное развитием индустрии и индивидуализмом, духовная опустошенность – все это дало выход коллективным страстям, выпустило из-под земли, древние божества почвы и крови, противопоставив их господству машин и скуки. На пороге XX века национализм утверждается как суррогат религии.

Трагедия, подстерегавшая Европу в 1914 году, для Балкан начинается уже в 1912. В скором времени она разрушит многонациональные государства и прежде всего оттоманскую империю.

В то время как либеральное развитие старой империи, казалось, постепенно двигалось к достойному разрешению греко-христианской проблемы, которое должно было учесть всю сложность и многообразие жизни, другое решение, инспирированное нарастающим европейским национализмом, назревало в течение века. Решение об образовании национального греческого государства на основе языка и, как предполагалось, расы.

Более сильные державы с самого начала навязали зарождающемуся греческому государству немецкую династию. Династия эта, весьма мало восприимчивая к реалиям религиозной и народной жизни страны, вознамерилась «цивилизовать» греков, навязать им идеалы буржуазной Европы во имя некоей абстрактной преемственности по отношению к «светскому гуманизму» древней Греции. Централизованная администрация разрушила автономию деревенских общин. Образование чуралось православной традиции. Церковь была бесцеремонно отделена от Константинопольского патриархата. Епископы же, нередко затронутые порчей нравов, оставались пассивными перед лицом этого разрушения социальных и духовных структур народной жизни. Из ее среды возникали вдруг неотесанные проповедники из мирян, вроде мясника Папулакоса, проповедовавшие одновременно Евангелие и мятеж. Движение жестоко подавляется, пророков, взявшихся за меч, бросают в тюрьму. Не было иного средства для того, чтобы победить разброд и тоску, кроме объединения народа под эгидой «Великой Идеи» в борьбе за освобождение всех греков и создания греческого государства, т. е. однородной империи.

Великая Идея по сути использует народную веру в восстановление христианской империи, но она может быть привлекательной и для греков, получивших западное образование и заменяющих ее политико-религиозное содержание идеологическим гуманизмом. Все, в том числе и византийский экуменизм, служит в ней лишь для подогрева национализма, представляющего собой лишь иной полюс индивидуализма. Родившись на почве, созданной наслоением религий и народностей на Балканах, в Малой Азии, в самом Стамбуле, Великая Идея оказывается чреватой всякого рода насилием, неизбежно вызывающим ответные вспышки и, стало

быть, новые, худшие бедствия. Ибо из руин оттоманской империи возникнет в свою очередь и турецкий национализм, который также захочет единства и национальной однородности.

В 1912 году Греция, Сербия и Болгария нападают на оттоманскую империю и вырывают у нее европейские провинции. В следующем году победители сталкиваются между собой при дележе добычи. Монастир остается в руках сербов. Но в это время французы высаживаются в Салониках и, для того, чтобы их сдержать, немецкие и австрийские войска вступают в Македонию. Они отходят в конце 1916 года, и французы на два года водворяются в Монастире. В конце 1918 года, город, названный Битоли, окончательно отходит к Югославии. Национализм торжествует. Начинаются испытания национальных меньшинств.

В этом испытании обнаруживается мужество Афинагора. Осенью 1916 года, когда Монастир находится под огнем союзников, в 1918 году, когда эпидемия тифа опустошает город, молодой дьякон, пренебрегая опасностью, не покидает тех, кто страдает. Он идет из дома в дом, заботится, помогает, утешает. Ни одна из националистических страстей не захватывает его в этой драме, когда небольшой македонский городок переходит из рук в руки различных европейских армий. У него нет страха, он спокоен и уравновешен. Всею душой преданный идее вселенскости, он отнюдь не мечтает об абстрактном слиянии «интернационалистов». Его интересует каждый народ. «В Монастире, – говорит он, – я знавал многих славян. Я наблюдал также за немцами и австрийцами. Два года я прожил рядом с французами. Все народы хороши. Каждый заслуживает уважения и восхищения. Я видел, как люди страдают, как все нуждаются в любви. Если они бывают злыми, то это потому, что они не встретили настоящей любви, которая не тратит себя на слова, но изъясняет себя светом и жизнью. Я знаю и то, что есть темные бесовские силы, и иногда они овладевают людьми и народами. Но любовь Христа сильнее ада. В Его любви мы обретаем мужество любить людей. И нам становится ясно: для нашего существования необходимо и то, чтобы существовали все люди и все народы...»

В 1918 году ему исполняется тридцать два года. Он уже искушен в науке о человеке. Во французском военном госпитале, говорил он мне, он слышал, как раненые распевали модную в то время парижскую песенку. Она звучала приблизительно так: «Что такое жизнь? Счастья немного, страданья немного, немного любви, невезенья, везенья...» Он повторяет слова этой песенки не с меланхолическим, а скорее с теплым чувством. Но он исправляет ее на свой манер: «много любви, много терпенья...»

6. Афон

С осени 1918 года в Монастире – сербская армия и сербское управление. Возникает Югославия. Параллельно Сербская Церковь включает в свою юрисдикцию завоеванные районы. Митрополита Хризостома деликатно просят убраться. Он удаляется на Афон. Афинагор сопровождает его. Шесть месяцев он будет разделять жизнь небольшой общины – Келлион – из Мелопотамуса, связанной с Великой Лаврой.

На востоке от Фессалоник в Эгейское море вдается полуостров Халкидики с тремя пальцевидными отростками. Восточный палец длиной приблизительно в шестьдесят километров и шириной в десять на самом краю завершается горой Афон высотой более двух тысяч метров. Здесь расцвела и сохраняется поныне великая созерцательная традиция Православия.

Уже для древних греков это место было священным: скала как вызов на бой, брошенный Посейдону гигантом Афоном. И ныне Афон остается вызовом самодостаточности мира – в качестве последней из этих монашеских колоний, этих республик Духа, что появились в IV веке в Египте, дабы напомнить в тот момент, когда складывалась христианская империя, что конечный смысл христианства – это не устройство земли, но мучительно трудное восхищение Царства...

С X века монахи обосновываются на «Святой Горе», названной ими «садом Богородицы», куда, однако, строго возбранен доступ всякому иному женскому существу. В этом краю никто не рождается по плоти, здесь рождаются только в Духе для вечности. Владычное присутствие Богородицы, особо чтимую икону Которой имеет каждый монастырь, животворит эту внутреннюю метафору.

Сначала сюда явились отшельники, чей суровый подвиг обычно сопутствует более умеренному общежительному пути. Первый монастырь – Великая Лавра – был основан в 963 году святым Афанасием Афонитом. Этот молодой трапезундский грек, любимец великого военачальника Никифора Фоки, резко порвал с миром и, обманув бдительность своего воспитателя, удалился к отшельникам на Афон. Однако те, как говорит его агиограф, отказались его принять: он был еще слишком юн и «гладколиц»; а обычаем повелевает, чтобы «гребень держался в бороде послушника». – «Если дело только в этом, смотрите, гребень держится», и молодой человек вонзил гребешок в свою щеку. Он был принят, и Никифор Фока, став императором, помог ему построить монастырь, дабы ввести духовную жизнь в русло общинной дисциплины и братской любви. С тех пор монахи стекаются сюда со всего православного мира: греки, грузины, южные славяне, с XI века – русские, до самого XIII века – итальянские бенедиктинцы, начиная с XIV века – румыны. Двадцать больших, почти независимых монастырей, располагаются на полуострове, образуя федерацию, управляемую их представителями, советом игуменов, находящимся в маленьком городке Кареес. Афон, с XIV века входящий в юрисдикцию Вселенского патриарха, составляет автономное государство, с 1912 года находящееся под протекторатом Греции.

Наряду с большими монастырями и в непосредственной связи с ними продолжали существовать другие формы подвижничества: от маленьких групп учеников, собравшихся вокруг выбранного ими учителя, до строгих отшельников, почти никогда не нарушающих безмолвия. Монахи живут скудно, трудами рук своих, возделывая землю, пользуясь дарами леса, овладевая ремеслами, ритм которых способствует внутреннему сосредоточению.

Таким образом, Афон сохранил многообразные формы созерцания, соответствующего разнообразию личностных призваний или разным этапам одного и того же пути, от молитвы общественной до молитвы «чистой», которая, становясь «спонтанной», раскрывает в себе подлинную природу человека, только и способную выразить в конкретном лице и слове славословие всего мира. «В Новом Завете сказано, что человек и вся тварь покорилась суете не добро-

вольно, и все естественное воздыхает, стремится и желает войти в свободу чад Божиих; и это таинственное воздыхание твари и врожденное стремление душ есть внутренняя молитва..., она есть во всех и во всем...» (*Откровенные рассказы странника духовному своему отцу*). Стать молитвой – таково предназначение человека, как назначение птицы – летать. И человек, ставший молитвой, пусть никому неведомый, затворившийся в глубине пещеры, восстанавливает великое единство божественного и человеческого и позволяет воде живой невидимо напоить собою весь мир и все дела человеческие.

На Афоне нет «устава» в западном смысле слова, однако здесь есть проложенные пути и живые примеры, есть совместный духовный опыт, который создается в каждой общине по-своему и всегда допускает выход из нее для подвига, более трудного – наедине с Богом. Таким образом здесь соседствуют, иной раз соревнуясь или дополняя друг друга, Афон северный с его большими монастырями, рассеянными на лесистых холмах – ибо это одно из тех немногих мест, где сохранился первоначальный лес, отчасти благодаря запрету, изгоняющему коз – и Афон южный, поместившийся на склоне высокой горы из белого известняка. Афон скалистых «пустынек» отшельничества и «калив» – хижин, где несколько монахов – чаще всего учитель с учениками – трудятся и молятся вместе.

Таким образом, по живым ступеням посвящения передается «искусство искусств и наука наук», путь безмолвия, позволяющий обрести «сердечное место», найти эту «землю сердца, где сокрыт источник воды живой – тот изначальный свет, что утрачен Адамом по непослушанию... Эта вода наполняет внутреннего человека божественной росой и Духом, человека же внешнего она предаёт огню» (Каллист II, *О Молитве*).

На христианском Востоке, существовавшем всегда в разнообразии юридически независимых поместных Церквей, Афон на самом высоком уровне выразил единство и вселенскость православия. К тому же афонские монахи дважды спасали православную Церковь: около 1300 и около 1800 годов.

В конце XIII века, после долгого периода упадка оживает исихазм, и святой Григорий Синаит доводит до совершенства «метод дыхания», соединив с ним и словесную формулу, вобравшую в себя все Евангелие как исповедание и мольбу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Григорий указывает путь, целиком озаренный Духом: «Принимающий Духа и очищаемый Им... дышит жизнью Божественной, говорит ею и живет ею». (*О жизни созерцательной и о двух видах молитвы – О дыхании*). Это обновление позволяет святому Григорию Паламе отстаивать, вопреки рационалистическим толкованиям, реализм обожения, разъяснить таинственную антиномию между непостижимой сущностью Бога Живого и Его доступными нам энергиями, обосновать опытное богословие, призывающее ко всеобщему преображению в «нетварном свете». С Афона это движение проникает в духовенство и народ, производя в нем невидимую внутреннюю работу, что дает возможность православию пережить византийскую империю и избежать драматической истории Реформации.

При турецком владычестве Афон сохраняет свою автономию, выплачивая подать. Вслед за водворением «идиоритмической» системы в монастырях, при которой каждый следует своему «собственному ритму», его дисциплина ослабевает, так что за пределами богослужения исчезает общинная жизнь. Однако во второй половине XVIII века начинается новое обновление вместе с движением «колливадов».

Последние ищут глубину духовной жизни, укореняя ее в «тайнах», т. е. великих таинствах Церкви. Они особо почитают Евхаристию воскресного дня и ратуют за еженедельное причащение задолго до возникновения подобных устремлений на Западе. Они противятся умножению всякого рода околотургических обрядов, в особенности благословения и потребления поминальных пирогов и кутьи – «колливов» (отсюда и прозвание их – «колливады», что в насмешку было дано этим реформаторам). На том же Афоне святой Никодим

Святогорец составляет *Добротолубие* – обширную антологию мистического богословия, ибо подлинное богословие для него всегда мистично. *Добротолубие* – это своего рода энциклопедия «Света пресветлого», как бы противостоящая французской энциклопедии Просвещения и «ночной» энциклопедии Новалиса, в которых тоталитарные системы нашего века, возможно, обрели один из своих истоков... Переведенное вскоре на церковно-славянский, а затем на русский язык, *Добротолубие* оплодотворит и греческое и славянское православие. Для некоторых пытливых умов оно станет живительной силой, которая сможет напоить собою само познание в западном смысле, то познание, чей бурный рост казался поначалу лишь разрушительным. Сциентизму оно ответит наукой более целостной, упорядочивающей духовный опыт. Мятежу сыновей против отцов и репрессивной реакции последних оно противопоставит освобождающее отцовство старца или *geronda*. Такие монастыри, как Оптиная пустынь в России или Скиатос в Греции, наполняют новыми жизненными соками интеллектуальный поиск и художественное творчество. «Два Александра»: Пападиамантис и Морайтидис – были гостями Скиатоса, как Достоевский и Леонтьев гостили некогда в Оптиной пустыни.

Когда Афинагор прибыл на Афон, там насчитывалось семь тысяч монахов благодаря мощному притоку русских, начавшему затем иссякать из-за войны и революции. Среди русских монахов был один из самых больших мистиков XX века – старец Силуан. Этот крестьянин, едва умевший читать и работавший на мельнице неподалеку от Свято-Пантелеймонова монастыря, прошел один из самых необычных и, может быть, самых значительных духовных путей. В предельном своем смирении он видел себя в аду единственным осужденным. Однако ему открылось нечто более глубокое, чем ад: Господь милосердия. Христос явился ему и сказал: «Держи ум свой во аде и не отчаивайся». И, не отчаиваясь, он молил Господа из своего ада о том, чтобы все были спасены и вкусили бесконечной сладости Духа. Этот человек, знакомый только с Афоном и одним уголком русской провинции, ходатайствовал в молитве своей за все человечество и в особенности за бесчисленные азиатские народы. Следование по пути Духа Святого для него подтверждалось только одним: евангельской способностью любить врагов своих.

Афон зачастую смущает Запад. Сегодня, когда политические обстоятельства крайне затрудняют приток новых насельников, в нем предпочитают видеть лишь живописную или даже теневую сторону: неопрятность, нескончаемые службы, искушения гомосексуализмом. Но вон тот рабочий, что трудится на мельнице, может быть, это и есть старец Силуан. Святость невидима. Однако она наполняет собой некоторые уголки нашего мира, и тот, кто умеет видеть, вскоре замечает, что безмолвие Афона насыщено святостью.

Келлион Милопотамоса, где в 1918 году оказался дьякон Афинагор, находится недалеко от Карея, на восточной стороне Афона. Он стоит на краю высокого отрога, и издали можно видеть его сторожевую башню, потому что в Средние века он, как и все афонские общины, должен был защищать себя от грабежей каталанцев и прочих «латинских» авантюристов. По странности судьбы этот маленький монастырь, где жил Афинагор I, дважды оказывал в своих стенах приют вселенским патриархам: святому Григорию V, коему предстояло умереть мучеником в 1821 году, и великому патриарху Иоакиму III, который оставил Милопотамос в 1901 году, чтобы взойти на престол, а в следующем году опубликовать энциклику, ратующую за сближение всех христиан и постоянное взаимодействие православных Церквей. «Мы стремимся, – говорится в преамбуле, – к согласию между всеми православными Церквями по предмету столь важному, как пути сближения между всеми, кто верует в истинного Бога-Троицу, дабы пришел день, который непостижимым Своим произволением Господь соделает долгожданным днем единства всех». В 1902 году пожелание такого рода было новым и поистине пророческим. Именно оно определит все действия патриарха Афинагора.

С одной стороны море, откуда открывается вся панорама *Келлиона*. С другой – земля, неровная, изрытая оврагами и покрытая дубами, чьи листья светлы на обратной стороне, но

темны и подобны камням со стороны, обращенной к солнцу. В монастырском саду растут лилии и деревья из Иудеи. Повсюду течет вода, которая вместе с осенними дождями заливают даже дороги для мулов, усеянные крупной галькой. Десяток монахов обрабатывает землю и служит литургию, совершая Евхаристию лишь по воскресным и праздничным дням. Чтение часов в установленное время, не слишком продолжительное, здесь умиротворяет, соединяет с красотой мира, к которой Афинагор бесконечно восприимчив. «Здесь славословит сама тварь», – говорит он иногда. Время теряет свою власть. В Милопотамосе по турецкому обычаю заход солнца приходится на двенадцать часов; но в Ивироне, основанном иберами с Кавказа (первоначальное наименование грузин), двенадцать часов – это восход солнца, как в Персии. Синяя бездна неба и моря топит в своей глубине круг дней и времен года.

Однако после этих месяцев внутреннего сосредоточения Афинагор убеждается в том, что для него поиск «сердечного места» станет долгим странствованием по земле людей. В Великой Лавре, от которой зависит Келлион, где протекала его афонская жизнь, он видел в главной церкви изображения святых воинов, написанные в XVI веке Феофаном, родоначальником критской школы, откуда выйдет и Эль-Греко. Святые воители в своих фантастических доспехах остаются неподвижно иератичными в самом разгаре битвы. «Я постоянно нападаю, наступаю, борюсь», – говорит патриарх. Когда в марте 1919 года ему предлагают пост в высшем синодальном управлении, он принимает это предложение и покидает Афон. «Никакая форма деятельности не служит препятствием для любви Божией, – говорил тогда старец Силуан. – Апостолы любили Господа, и мир не мог помешать им в этом, хотя они и не забывали мира, работая и проповедуя для него».

Афинагор I пробыл на Афоне шесть месяцев: с октября 1918 года до марта 1919. Тогда он был дьяконом.

В 1930 году он вернулся сюда епископом на всеправославную конференцию, состоявшуюся в июне в Ватопедском монастыре.

В 1963 году он вернулся сюда вновь – уже патриархом – на тысячелетний юбилей афонского монашества, отмечаемый в связи с основанием Великой Лавры в 963 году. Это празднество было организовано по его желанию, и оно стало поистине праздником христианского единства, а также проявлением дружбы с созерцательными орденами христианского Запада.

«Афон – священное место. И я – отчасти афонский монах».

Афинагор I борется за то, чтобы монахи из славян и румын могли вернуться на Святую Гору и внести новую жизнь в ее вселенское служение. Он добился того, чтобы студенты-богословы из Америки, по обычаю приезжавшие в Грецию для занятий, могли побыть несколько месяцев в одном из афонских монастырей.

Путь патриарха скорее ближе к пути Космы Этолийца, т. е. пути активной любви, нежели к пути колливадов и пути «чистой молитвы». Однако он знает, что одно не бывает без другого, и что любовь не может изменить жизни, если ее не несет в себе, если ее не питает неслышная молитвенная поддержка. Только тайное присутствие тех, кто становится как бы столпами молитвы, воздвигнутыми между небом и землей, не дает миру разложиться и оплодотворяет историю, свидетельствуя о том, что последняя цель ее – переход в вечность, которая уже пламенеет в них. В начале XIX века сопротивление, с которым колливады столкнулись сначала на самом Афоне, вызвало их промыслительное рассеяние по всему греческому миру, где они сумели разжечь на островах и Пелопонесе очаги обновленной духовной жизни. Одним из таких очагов был иоанновский остров Патмос. И ныне в русле той же традиции на Патмосе живет один из тех духовных людей, кому доступно распознавание сердец и кто, как посланец Духа, несет свой поистине старческий и духовнический подвиг. Это отец Амфилохий. Свет, который исходит от него, делает его известным всей Греции и даже Западу. Он содействовал развитию женского монашества, соединяющего в себе созерцание и активную любовь, «молитву Иису-

сову» и социальное служение. Отец Амфилохий нередко бывает в Константинополе. Он – друг и духовник патриарха.

7. “Defensor civitatis”¹

В марте 1919 года архидьякон Афинагор назначается первым секретарем Святейшего Синода, который под началом архиепископа Афинского и примаса Греции управляет Церковью этой страны. Он живет в монастыре Петраки в самом городе. Служение Церкви он никогда не отделял от традиционного уклада монашеской жизни.

Его кругозор, как и призвание, не дают ему при этом замкнуться в Церкви «национальной». В это время при поддержке Константинополя только-только складывается экуменическое движение. Весной 1919 года делегация комиссии «Вера и церковное устройство», занимающаяся как раз вопросами вероучения, прибывает в Афины с целью добиться сотрудничества с Греческой Церковью. Архиепископ и четыре митрополита подписывают бумагу, выражающую уклончивое одобрение. Но Афинагор проявляет к этому вопросу такой интерес, что ему предлагают выучить английский язык, который, как можно было предположить, станет языком экуменического движения.

Решение это оказалось чреватым немалыми последствиями для будущего патриарха.

Тем не менее его жизненный путь еще не принял планетарного размаха, ибо ему предстояло ближе соприкоснуться с оскорбной историей своего народа. Не для того, чтобы опутать себя национализмом, но того ради, чтобы выявить в Церкви ее профетическое и в первоначальном смысле дьяконское призвание, то призвание, о котором православие было склонно иногда забывать.

Греция поздно, и то через гражданскую войну, вступила в великий мировой конфликт. Окончательный развал оттоманской империи, казалось, наконец открывал путь к осуществлению «Великой Идеи». В 1920 году Севрский договор дал Греции Восточную Фракию вплоть до границ Константинополя, оккупированную войсками союзников, а также – при условии проведения референдума в течение пяти лет – всю азиатскую Грецию вокруг Смирны. Турок, выведенных из себя всеми этими унижениями, Мустафа Кемаль сумел избавить от груза тяготившего над ними прошлого. Греки недооценили противника и попытались загнать кемалевский «мятеж» в его горное логовище. Это был химерический реванш, *reconquista*

¹ “Защитник города» (*лат.*). Все примечания принадлежат переводчику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.